

ВЕЛИКАЯ ВОСЬМЁРКА

АНДРЕЙ
НЕМАНОВ

ДАНИЛ
МЛЮНИН

18+

Андрей Неманов
Великая Восьмёрка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Неманов А.

Великая Восьмёрка / А. Неманов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Наша вселенная намного шире, чем мы можем себе представить. И кажется, что всё так далеко от нас, что мы никогда не достигнем тех бескрайних просторов. Но что, если я скажу вам: вселенная намного ближе, чем кажется? И она прямо влияет на наши судьбы, пусть мы этого и не замечаем...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Пролог

«Вселенная создана такой, какая она есть. И произошло это так, как произошло. Мы не вправе это осуждать...»

Давным-давно, когда на Земле еще не появилась жизнь (потому что Земли тоже не было, как и всего остального), существовали лишь двое: АД'М и Эйба. Они были братом и сестрой, детьми самого Существования. Единственные, кто существует во всех мирах, вселенных, реальностях. Они содержали в себе всё, что возможно и невозможно увидеть вокруг, принимая при этом форму некой туманности.

Неисчислимое количество лет¹ они существовали лишь вдвоём, изучая мир, пытаясь найти берега бескрайнего океана вакуума, пустоты. Наконец, они пришли к выводу, что одиноки, а эта пустота бесконечна. Изучая себя, они познали своё настоящее могущество, придумали свой язык для простейших разговоров. А так же узнали, что могут породить что-то новое, дать потомство.

АД'М, углубившись в изучение этой темы, понял, что каждый из них может при большом старании в одиночку выработать достаточно энергии для синтеза новой жизни, но также можно разделить старания на двоих, слившись в половом акте, при этом испытав великое удовольствие. И АД'М возжелал этого удовольствия. Ничего не сказав о первом способе, он подробно описал условия второго Эйбе, уверив её в том, что других вариантов просто нет. Спустя время Эйба решила войти в половую связь...

Медленно и осторожно они совмещали свои тела, зацепляясь каждым атомом, пуская сотни импульсов, обмениваясь нейронами. Обоим этот процесс скоро пришёлся по нраву. Единственные, кто мог издавать свет и звук, они пускали волны по всему пространству. Эйба вдруг начала циклично изменяться в размерах, то отдаляясь от брата, то входя в него на максимум. В порыве страсти она прокричала

– Er Et Latnerim!²

– Aiba Er Et kol Latnerim!³ – ответил брат.

Они слились воедино, при этом начиная раздваивать и соединять кванты. Это способствовало выработке такого количества энергии, что никто и никогда не смог бы хранить или использовать её всю в полной мере. Их соитие продолжалось еще два миллиарда лет. И вот, АД'М наконец оплодотворил сестру...

Спустя несколько миллионов лет Эйба родила шестерых детей. Их назвали Дольф, Лай'Кес, Вь'Юкин, Морфиус, Силенна и Дай'Эна. Дети росли быстро, быстро учились, познали всё, что было известно их родителям. АД'М и Эйба вдохновились большим потенциалом детей и решили, что нужно продолжать род, чтобы ещё более населить мир идеальными существами, Neil Quare, так они называли себя. На этот раз Мать всего без раздумий сама предложила Всеотцу повторить любовное соитие. Наблюдали за процессом все дети, кроме Вь'Юкина, который вопреки предубеждениям заявил, что отдаст жизнь на то, чтобы исследовать всю Вселенную, дойти до её края, а потому отправился в глубины бесконечной пустоши. Наблюдение проходило на протяжении длительного времени. Детей переполняли чувства. И азарт. И интерес во всех смыслах.

¹ Дорогой читатель! Предупрежу, что буду выражать временные отрезки в Земных годах. Так будет привычнее и удобнее.

² «Я тебя люблю!»

³ «Я тоже тебя люблю, Эйба!»

Они принялись изучать природу этого явления, названного ими “Xentual”, что в переводе на наш с вами язык может означать «секс». Дольф, Морфиус и Силенна рассудили, что Xentual должен проводиться с должной осторожностью и только для зачатия новой жизни, ведь он требует от партнёров огромных усилий, отнимает их жизненную силу и может убить. Лай'Кес и Дай'Эна не согласились со своей роднёй и втайне решили вступить в любовный контакт.

Поначалу всё шло гладко. Дай'Эна, слегка дрожа, шептала Лай'Кесу: “Latner”⁴, “Penciv”⁵, “on Retyun”⁶. Но вдруг, когда они почти дошли до финала, их тела задёргались, атомы начали быстро соединяться и разъединяться друг от друга. Крик удовольствия сменился страшным воплем, вызванным нестерпимой болью. Вопли услышал Морфиус. Вместе с Силенной они поспешили помочь, но было поздно. На их глазах Дай'Эна и Лай'Кес потеряли свои отличные друг от друга формы, смешались в одну туманность, закружились в вихре, а затем сжались... И взорвались...

Вселенную озарил поток света, ударная волна оттолкнула всех находившихся поблизости. Трое Neil Quare решили остановить Xentual родителей, рассказать им об опасности и трагичной участи Дай'Эны и Лай'Кеса. Но опять опоздали. Аккурат в то же время АД'М оплодотворил Эйбу. К счастью, на этот раз всё прошло благополучно.

Выслушав детей, родители ужаснулись. Эйба начала упрекать брата в легкомысленности, в том, что он не постарался до конца изучить и описать детям природу Xentual, заявила, что отныне они не будут больше размножаться, так как это слишком тяжело и опасно. Treip Omnesit, троица мудрецов, в которую вошли старшие дети, поддержала мать. АД'М был вынужден принять условия, но в глубине сознания затаил большую обиду, так как не желал забывать великого удовольствия, получаемого от Xentual с Эйбой.

Летели миллионы лет. Останки Лай'Кеса и Дай'Эны перестали удаляться от Neil Quare, образовали некое сияние, украсившее бескрайнюю пустоту. Позже Treip Omnesit заметили, что сияние будто вращается вокруг них. Они являлись центром их маленького мирка, который был назван “Neil Frooim”⁷.

Пришло время, Эйба родила пятерых детей: Дэната, Лесандею, Анкратана, Эв'Айлину и Шак'Хида. После родов она заметно уменьшилась в размере, стала слабой, будто состарилась. Она больше не стремилась к изучению Вселенной, всё меньше говорила с родственниками. Treip Omnesit решили углубиться в изучение явления рождения новой жизни и поняли: помимо усилий, роды требуют от рождающего частичку его самого.

В теории троица могла бы восстановить здоровье матери, будь у них для этого ресурсы. Но ресурсов нет: они – единственные их источники во вселенной. По крайней мере, Neil Quare придерживались такого мнения до сего момента. Сейчас же, от безысходности, хотелось верить, что они ошибались.

Дольф начал всматриваться вдаль, чтобы найти на всём сияющем просторе единственную яркую точку – Вь'Юкина, свет которого по-прежнему не мерк. Найдя наконец эту точку, он отправил в её сторону поток нейронов. Так он хотел передать информацию о текущем положении Вь'Юкину, чтобы он, при обнаружении каких-нибудь объектов, сообщил об этом братьям. Чтобы облегчить страдания Эйбы, троица начала собирать энергию из сияния. Её, несомненно, было мало, но другого выхода не было...

Воспитание детей доверили АД'Му. Сначала он тихо и покорно заботился о них. Затем, когда заметили слабость Эйбы, ему запретили приближаться к сестре. Это не понравилось Всеотцу, про себя он начал осуждать первенцев за неблагодарность и недоверие. Потом, найдя

⁴ «Любимый»

⁵ «Дорогой»

⁶ «Неповторимый»

⁷ «Совершенный мир»

в своих раздумьях великую бессмысленность, ведь сказать прямо он им не мог, ещё больше обозлился на всех, а также начал оправдывать свои действия. Сказал себе, что постепенное ослабление матерей – это нормально, это вынужденная мера. Ведь из одной жизни рождается множество: какой смысл до конца сохранять одну жизнь, если из-за этого пропадает целое поколение?

Конечно, спустя время он опомнился и решил смириться. Но перед этим он выговорил все свои мысли старшему из своих нынешних воспитанников – Дэнату. Дэнат, не знающий почти ничего о Xentual, нашёл идею о жертвенности довольно логичной. Он оглянулся вокруг, посмотрел на Neil Frooim, на то, что единственный Neil Quare, заинтересованный в продолжении рода, подвергается нападкам со стороны остальных только из-за их нежелания ничем жертвовать, рисковать жизнью. Это разозлило Дэната больше, чем кого-либо до этого. Он захотел отомстить Treip Omnesit за их эгоизм, нарочно вступить в Xentual с Эйбой. Но для начала нужно было отвести от неё старших братьев и сестру. Поэтому он пришёл к Эв'Айлине с вопросами.

Среди плодов второго соития Эв'Айлина была старшей из сестёр. С недавнего времени она вызвалась учиться у троицы, чтобы в будущем стать столь же мудрой. Дэнат задал вопросы о текущих планах троицы, о том, чем они обычно занимаются большую часть времени. Узнав об отправлении сигнала Морфиусу, он наконец нашёл, от чего оттолкнуться. И для выполнения своего плана попросил о помощи младшего из Neil Quare, Шак'Хида...

Силена и Вь'Юкин собирали все подходящие для восстановления Эйбы ресурсы. Neil Frooim был полон останков Лай'Кеса и Дай'Эны. Но лишь некоторые осколки могли в какой-то мере повлиять на их организм. Незадолго до этого Силена выяснила, что их организмы – сложнейшие строения из мельчайших частиц – “Lia Arthem” – «единицы жизни», которые известны у нас, как «атомы». Но атомы не простые. Эти могут принимать разнообразное строение, в небольшой отрезок времени изменять своё поведение. И пока эти частицы находятся в организме Neil Quare, они могут быть полноценными «единицами жизни». Но стоит им покинуть организм, то, если в короткий срок не поместить их обратно или в любое другое живое тело, они потеряют свойства вариативности, застынут в последней принятой форме. И троица искала все застывшие осколки, всё ещё способные дать энергию, вызвать реакцию. В общем, всё, что угодно, лишь бы поспособствовать синтезу новых Lia Arthem.

Вдруг, откуда ни возьмись, появляется Шак'Хид и что-то нескладно бормочет о сигнале, о скором возвращении Вь'Юкина. Морфиус успокоил брата и попросил его рассказать всё по порядку. Шак'Хид неуверенно рассказал о том, как получил сообщение от Вь'Юкина, как его голос звучал внутри. Втроём Neil Quare отправились к краю Neil Frooim, по дороге захватив с собой Дольфа и Эв'Айлину. С края Дольф обычно наблюдал за Вью'Кином, распластав себя как можно шире, чтобы не упустить от него поток нейронов.

Дольф начал гореть, накапливая в себе силу. Накопив её достаточно, он выпустил поток нейронов с чудовищной скоростью. Он хотел переспросить Вь'Юкина. Немного погодя, он поймал ответный поток и сразу повернулся к Шак'Хиду:

– Shak'Hid Et on Tegtam! V'Ukin on Funzesim Whaquee!⁸

Шак'Хид растерялся. Не знал, что делать. Он понимал, что любое следующее действие сразу станет подозрительным. Поэтому он промолчал. Все начали расходиться, остался только Дольф. Он задался логичным вопросом: откуда брат знал голос Вь'Юкина? Задав этот вопрос Шак'Хиду, в ответ он получил только неловкое молчание. Заподозрив неладное, он пошёл на

⁸ «Ты ошибся, Шак'Хид! Вь'Юкин ничего не нашёл!»

крайние меры: влез в сознание брата, начал перебирать информацию и наконец наткнулся на план Дэната.

Обман раскрылся, Дольф рванул к Эйбе. Вдруг его настиг новый поток нейронов. Дольф даже остановился и оглянулся на светящуюся вдали точку.

– thaqee Tegtamun?! V'Ukin Funresim...⁹

В тот же момент Вселенную огласил дикий вопль Эйбы. Все Neil Quare оглянулись на неё. Дэнат осуществил свой план. Но третьего Xentual Эйба выдержать не могла. Более того, она затянула сына. Процесс был похож на тот, что было у Лай'Кеса с Дай'Эной, только в миллиарды раз сильнее.

Вопли... Вихрь... Всплески энергии... Слепляющий поток света... И взрыв...

Глава 1, Зарождение Вселенной

Шак'Хид

Я... Ничего не помню... Кто я? Что я делаю? Что я делал до этого?.. Что произошло?! Повсюду... свет. Он закрывает собой всё остальное. Всё вокруг вертится. Не могу ничего разобрать. Сколько времени я в таком состоянии? Столько вопросов... Так! Надо собраться!

Теперь по порядку. Что я могу вспомнить? Я помню, как меня звали до этого... да, верно! Меня звали Шак'Хид! Уже отлично, хотя, постойте... Помню ещё что-то. "Neil...", так меня тоже называли. А что это означает? Неужели забыл? Хотя нет! Помню! Кажется, «Вечный» или «Бесконечный», нет, точно, «Нескончаемый»! Получается, я вспомнил своё полное имя: Шак'Хид Нескончаемый. Теперь, что же произошло?! Я помню только всплеск света, шум. А перед этим разговор с кем-то, похожим на меня. О необходимости «населить Вселенную», о великом долге. Получается, я причастен к, похоже, одному из самых важных событий в мире...

Световая завеса начинает рассеиваться, я всё чётче могу разглядеть окружающие меня объекты. Наконец, я увидел бескрайние просторы, наполненные светом и раскалёнными обломками какого-то огромного объекта. Сам я несся куда-то с гигантской скоростью. При этом я не могу управлять полётом, будто меня оттолкнуло. Я лечу так быстро и в то же время будто не двигаюсь. Кажется, так будет вечно...

Некоторые обломки, с помощью действия некой внутренней силы, начали принимать формы, близкие к шару. Stilazec – так я назвал появляющиеся раскалённые шары, начали вращаться вокруг других, многократно больших по размеру. Со временем такие шары остыли, перестали быть похожими на свои большие экземпляры. Большие Stilazec не хотели затухать, постоянно вырабатывали энергию, излучали свет. Я нашёл этот факт поводом разделить два типа шаров. Остывшие назвал "Zeefrit Grovc", «Холодные земли».

Stilazec вместе с Zeefrit Grovc начали вращаться вокруг некоего огромного яркого шара. В итоге получилось подобие диска со спиралью. Такое явление я назвал "Speriile". Отдалившись от скопления шаров, я смог разглядеть тот Speriile получше, а также увидел многие другие, которые, оказывается, имели разнообразные формы: спирали, окружности... Форму некоторых даже нельзя было объяснить.

Длительное время я летел по пустоте мимо Speriilec. Сила, что оттолкнула меня, была очень мощна. Настолько, что даже сейчас, когда моя скорость снизилась в разы, я всё равно не мог самостоятельно сдвинуться с курса. Наконец, впереди показался диск. Было очевидно, что я влечу в него. Обрадовавшись, я погрузился в сон: так я коротал время каждого полёта.

⁹ «Неужели правда?! В'Юкин нашёл...»

Благо, в этом бескрайнем океане можно видеть объекты за миллионы лет до их приближения, а значит, и предсказать все их перемещения за время сна.

Проснулся я уже среди систем Stizalec. Здесь у меня вызвали интерес Zeefrit Grovc. Некоторые не были такими уж холодными. Падающие на них кометы принесли воду. Света и тепла, исходящего из Stizalec, хватало, чтобы нагревать шары. В таких условиях в воде начала зарождаться новая жизнь.

Океаны наполнились растительностью и обитателями. Сначала новые существа, как и растения, развивались в воде, затем начали перемещаться на сушу. Я заснул ещё на некоторое время. Проснувшись, я увидел, что на Grovc уже ходят разумные существа. В основном это были Majure, гуманоиды. Они многим отличались от остальных обитателей, ведь неразумные существа старались превзойти друг друга силой. Гуманоиды же выделялись своим умением приспособливаться к различным условиям, использовать окружение в свою пользу лучше, чем кто-либо ещё. Таким образом, гуманоиды стали доминирующими формами жизни на многих планетах. Неужели всё это сделал я? Я создал этот мир? Всю эту красоту? Невероятно!

В очередной раз я проснулся недалеко от гигантской синей Stezale. Вокруг него обращались две холодные Grovc и одна тёплая. Она была дальше всего от Stezale, и на ней сформировались условия, которых не было нигде. У Grov была очень огромная атмосфера. Постоянное тепло и огромное количество воды превратили деревья в гигантов километрами высотой и шириной. Они раскидывали свои ветви на огромные расстояния. В отличие от многих других заселённых гуманоидами Grovc, эта была населена разумными птицами огромных размеров. Они были более продвинутыми, чем любая раса, встречаемая мной ранее. Раса жила на деревьях, как в огромных городах, она строила себе жилища в стволах деревьев и выращивала растения на листе. Более того, птицы смогли достать из-под земли ценную горную породу, из которой они получали лучшие инструменты и прочие приспособления непонятого назначения. Я был так впечатлён, что не захотел расставаться с этим шаром. На счастье, моя скорость достаточно уменьшилась, поэтому я смог своими усилиями развернуться и начать двигаться в сторону Grov. Почти, ещё немного, вот-вот подлечу...

Вдруг издалека прилетел с колоссальной скоростью огромный раскалённый астероид и со всей силой ударился о шар. Он был почти такого же размера, поэтому от столкновения произошёл громадный взрыв. Grov дала трещину, из земли хлынула лава, деревья начали в секунду сгорать вместе с миллиардами птиц на них. Вскоре шар раскололся на куски. Взрыв отбросил меня и закрутил. Я начал удаляться от системы, пытался вернуться. Но безуспешно. Обломки Grov сталкивались, разлетались на мелкие куски, окончательно уничтожив всё живое. Однако, один кусок всё-таки остался цел. Он был небольшой, но на нем росло дерево, которое до катастрофы возвышалось над прочими деревьями. Видимо, оно было самое древнее, поэтому неразрушимое. Дерево не умерло, скорее всего, всё из-за сильного магнитного поля, которое образовывала гора. Гора стала своеобразным ядром новой маленькой планетки, сохранив в магнитном поле достаточно кислорода. Дерево своим мощным фотосинтезом быстро заполнило поле кислородом в избытке, а на дереве продолжили жить птицы. Увидев это, я твёрдо решил, что должен когда-нибудь вернуться на это дерево. Как я его назвал, «Великое Древо». Снова не в силах противостоять инерции, я решил погрузиться в ещё один сон.

Почувствовав, что я начал терять свою скорость, понемногу останавливаться, я проснулся. Ближе всего ко мне находилась маленькая системка. Эту систему освещал желтый карлик, крошечный по Вселенским меркам. В системе было восемь Grovc. Все эти шары были мрачными и пустыми. Кроме одной.

У меня не было выбора. Одна единственная Grov с жизнью в системе, да что там, во всех ближайших скоплениях...

Глава 2, Голодные годы

Алексей Клёнов

– Лёха, а ну пригнись! Ты хочешь всех нас убить? – прошептал мне Женя.

– Если хочешь сдохнуть, то так и скажи! Только сдохни не в пасти монстра, а у нас дома, нам хоть мясо достанется! – проворчал отец.

– Тс-с-с, тихо всем! Я что-то слышу... – заглушил всех Филипп Мохнатый.

Все огляделись. Вокруг никого не было, лишь какая-то птица, вроде как, ворона, но с белым пятном на груди, заходящим также на крыло, весьма жутко прокричала, взлетела и задела крыльями тусклые иглы ели. Я беспокойно сглотнул и сжал в руках копьё...

Но для начала вернёмся назад. Эту историю нужно было начать с начала. В общем, застали меня с семьёй самые, что ни на есть, голодные годы. У людей в моём посёлке не было ничего. Вообще ничего. Никакой еды. Как рассказывал ныне покойный старожил Иваныч, двадцать четыре года тому назад случилось что-то непонятное, из-за чего всё пошло наперекосяк. Иваныч умер в семьдесят седьмом году жизни. Он рассказывал, как в сорок люди только начинали жизнь, как раньше дышалось легче. Воздух был сладок и приятен. Сейчас в сорок люди похожи на трупы. Но это если повезёт, ведь до сорока ещё дожить надо. Этот голод... Он унёс и продолжает уносить жизни многих людей. Деревья перестали расти, стали погибать. Лишь ели по-прежнему пытаются сохранить иглы. Но и те очень тусклы. Видно, скоро придёт и их час. Про более мелкие растения я вообще молчу. На самом деле, я таких и не видел. Говорят, они давно исчезли. Единственный способ добычи еды – это охота. Всё бы хорошо, но после того таинственного события ближайшие леса наводнили монстры.

Монстры напоминали кошек, только в разы больших в размере, со светло-рыжим окрасом и пятнами по всему телу. Они очень быстры и сильны. После их появления почти все прочие лесные зверушки были сожраны. Чудовища начали поедать друг друга. Проблема в том, что эти существа могут мгновенно разделиться на двух таких же, но чуть меньших в размерах. Таким образом популяция их, даже с каннибализмом, не менялась. А вскоре они поняли, что под носом имеют весьма вкусное мясо. Поэтому начали терроризировать посёлок.

Было бы у нас оружие, более эффективное, чем копьё и луки... Иваныч рассказывал, что в его время у людей было нечто особое, что называлось огнём. Огонь мог улучшать качество еды, давать свет по ночам, а также стал бы эффективным оружием против монстров. Более того, с помощью огня могли работать многие вещи, оставленные тем поколением. Однако огонь внезапно пропал. Его не могли разжечь никаким способом. Обыденная вещь стала недостижимой. Теперь мы были вынуждены греться на солнечном свете, на зиму уходить под землю, в утеплённые всеми меховыми полотнами, что у нас были, комнаты. Все запасы в посёлке были съедены за пятнадцать лет. Нам с этим повезло: в посёлке находилась фабрика не скоропортящейся продукции. Но и её запасы истощились. Последние восемь лет были для нас просто адом. Люди пытались употребить в пищу всё, что можно. Все домашние животные были съедены уже давно. Оставалось только идти в леса на охоту. Тут-то мы и столкнулись с главным бичом.

Эти твари нападали много раз. Сначала мы прятались по домам, потом, смекнув, что они – единственное более или менее доступное мясо, начали окружать посёлок стенами из кольев. Во время строительства забора они несколько раз оббежали нас с тыла, убивали и разрушали стены. Но мы бились, не смели отдавать им свои жизни. Погибших братьев и сестёр, отцов и матерей, мы со слезами на глазах съедали, ведь еды не было совсем. О похоронах речи и не заходило.

Кое-как мы возвели стену. На поле, которое отделяло посёлок от леса, мы вырыли много ям с кольями. С тех пор они иногда навешиваются к нам, но внутрь попасть не могут. Нам иногда удаётся напороть одинокого монстра на колья и затем заколоть копьями, но очень редко. Такое событие – просто праздник. Еды, правда, всё равно не хватает. Мы истощаемся на глазах. Сбежать многие тоже пробовали. Посёлок наш окружён лесом. К остальному миру вела одна, сейчас уже заросшая, дорога. Уверен, из тех, кто пытался пересечь лес, никто не выжил. Иначе за нами уже приехала бы помощь.

Мне тогда было только 12 лет, причём, для своего возраста я был отсталым в развитии. Игрался с мелкими детьми шести-семи лет, когда мои сверстники помогали взрослым найти пропитание. Вообще, в нашей компании так же был мой четырнадцатилетний друг Женя. Его отец, Филипп Мохнатый, считал сына ошибкой, никогда его не любил. Всё из-за того, что у Жени были врождённые проблемы с руками. Они были непропорционально тонкими. Казалось, кожа была просто натянута на кости. Такими руками он не мог держать почти ничего. Охотник из Жени вышел бы ужасный. Поэтому Филипп, как самый успешный охотник в посёлке, отец ещё двух сыновей и дочери, которые все пошли по стопам отца, возненавидел сына за слабость.

Таким образом, мы, двое недоразвитых, сидели в тылу, пока наши отцы и братья, и даже некоторые сёстры, воевали с монстрами за территорию. Но я на самом деле лишь притворялся, чтобы проводить время в посёлке. Я много времени читал. Все книги, газеты, журналы, которые находил. Особенно меня заинтересовала одна статья в газете. Там учёный физик описал принципы работы радио. И у меня сразу родилась мысль: мы могли бы послать сигнал, сообщить о нашем положении! Всего-то нужен радиопередатчик и источник энергии. Я рассказал всё Жене.

– Лёх, радиопередатчик был на чердаке у меня дома! Очень старый, но, может, его можно починить! – вспомнил он.

Мы вприпрыжку побежали к Жене домой. Прямо на входе мы столкнулись с Филиппом. Поначалу я подумал, что это монстр, и дёрнулся назад. Потом, разглядев хоть и исцарапанное, но человеческое лицо, я успокоился. Филипп носил шкуру убитого им монстра. Историю о той охоте пересказывали у нас. Ей вдохновляли новых охотников. Да, Филипп Мохнатый не был первым убийцей монстра. Этот монстр также не был самым крупным. Но Филипп убил больше всего монстров, а эта шкура – трофеем самой запоминающейся охоты. Тогда он дрался со зверем в одиночку и, выждав момента, когда он решит раздвоиться, в прыжке рубанул его топором. Монстр умер, так и не закончив раздвоение. Поэтому тело было вытянуто вширь, а головы было две. Удар пришёлся прямо промеж двух голов. С тех пор он всегда одевает двухголовую шкуру, веря, что она даёт ему удачу на охоте.

- Чего бегаєте, мелкие? – сказал низким голосом Филипп.
- Мы просто хотели, – промямлил я.
- Чего хотели?
- Послать сигнал о помощи, у вас на чердаке есть радиоприёмник...
- Серьёзно? Вы совсем от голода с ума сошли? Люди вам детей малых доверили, а вы бегаєте, радио им подавай!
- Но ведь нас могут услышать!
- Услышать? Не смейся! Давно бы уже услышали! Нет, парень, мы сами по себе!
- Кстати, пап, а ты что с топором? Вы на охоту? – спросил вдруг Женя.
- Не твоё это дело! Ты, раз одарён такими ручищами, так и сиди дома!

- Но пап! Я хочу пойти с тобой! Со своими братьями!
- Ты совсем с детьми отупел? Мы должны брать тебя, грёбанного инвалида, обузой, защищать тебя от монстров, и самим под когти бросаться?
- Нет! Я сам за себя постою!

Филипп усмехнулся, но при этом не изменил строгого выражения лица.

– Сам! Ты издеваешься? Сдохнуть хочешь?! Лучше сразу удавись! Вон, верёвка валяется. Так хоть толк от тебя будет, мясо какое-никакое...

– Пап!

– И не называй меня так! У меня только два сына. Ты – паразит, что восемь с половиной месяцев сидел в утробе Вари, а затем чуть не унёс её жизнь при родах!

Филипп взял меня и Женю за руки, рванул к выходу и вышвырнул нас на крыльцо. Женя от толчка упал. Я помог ему подняться и кинул взгляд на Филиппа, затем оглядел улицу. Там столпились люди. В основном это были охотники. Странно, обычно они не ходят такой группой. Филипп подошёл к толпе, пошептался о чём-то с охотниками и снова подошёл к нам:

– Ладно! Вы идёте с нами. Оба! Мы отправляемся на большую охоту, попытаемся пройти лес насквозь, заодно убьём много монстров. Только учтите! Защищать вас никто не будет, сами по себе! А если начнёте мешать, клянусь, убью без раздумий!

Он фыркнул, повернулся к толпе и, подняв топор над головой, прокричал:

– Вперёд, охотники! Мы отправляемся!

Так я и оказался на охоте. Первый раз, и сразу на кону поставлено всё. Понятия не имею, что я тут делаю. Я не создан для этого. Мне бы остаться и осуществить мой план с сигналом, но перечить Филиппу было нельзя. Было видно, он злился. Поэтому отказаться – суицид. Отрубил бы мне что-нибудь. Пока мы шли через поле, я упрекнул Женю в его нездоровом влечении пойти с семьёй. Он ведь совсем не был готов, ни физически, ни морально. Это сейчас он думает, что всё очень просто. Столкнувшись со зверем, он сразу подкосится в коленях. И тогда будет поздно. Ещё и меня затащит. Для нас это верная смерть! Женя слушать меня не хотел, радостно шёл, неся на плече маленькое копьё. Должно быть, он совсем забыл о моём плане...

С этого я и начал...

Я беспокойно сглотнул и сжал в руках копьё. Осторожно переходя через сухие кусты и переступая упавшие стволы деревьев, мы продвигались вглубь леса. Он будто не кончался.

Солнце склонялось к горизонту. Через некоторое время мы набрали на тропинку.

– Ага! Это дорога к хижине Владимира Маратыча! – бодро сказал отец, – тут и переночуем!

Отца с улыбкой на лице похлопал по плечу его друг, имя которого я забыл. Всё потому, что его мало кто называет по имени: в посёлке зовут Безмолвным, потому что на одной из охот монстр разорвал ему горло. Его успели донести до посёлка и зашить рану, но с тех пор он не может говорить. Филипп Мохнатый, глянув на моего отца, выдал мимолётную улыбку.

Среди деревьев виднеется дом. Значит, мы пришли. Я с облегчением выдохнул. Дойдя до этого обветшалого сооружения, мы остановились у утыканного кольями забора. Филипп нагнулся к кучке камней, взял один и бросил в щиток, подвешенный на высоком столбе. Камень с силой ударился о щиток, издав грохот. От шума в хижине что-то зашевелилось. Скрип двери, топот ног по каменной дорожке, скрежет ключа в скважине... И калитка открылась.

- Ого! Чего это вас так много-то? – воскликнул худощавый седой старик лет сорока шести. – Никак пройти этот лес вздумали?
- А что, брат, не веришь в наши силы? – весело ответил отец.
- Семён Павлыч!
- Владимир Маратыч!

Они расхохотались и обнялись, затем Владимир Маратыч прошёлся между охотников, приветствуя и похлопывая по плечам знакомые лица.

- Ну вы даёте! Здесь, стал быть, все мужики с посёлка?
- Все, кто достиг десяти лет и может стоять на ногах.
- Вон, даже сопляков-инвалидов взяли. – язвительно улыбнувшись, сказал Филипп.

Владимир Маратыч посмотрел на нас с Женей и расхохотался.

- Эх, Филипп, Филипп. Сколько лет, а ни черта не меняешься!
- Как и ты, старый хрен!
- Ну же, дай руку. Хочу пожать. Помнишь, когда в последний раз здесь бывал? Ты тогда ещё заметил, что одна часть забора шатается.
- Ну, и что?
- Я вбил получше, подпорки прочные поставил. Да и колья заодно поточил, раз уж начал. В общем, потом пришли эти твари. Они, видимо, специально лишь одну сторону ослабляли. Думали, не замечу, и тогда бы они прорвались. Да я и не заметил, так бы, старый дурак, всё наше преимущество и просрал. Вы бы, конечно, со временем отбили этот дом, посадили бы сюда другого. Но ушло бы на это много сил. А ты, Филипп, взял да предотвратил всё это дело. Монстры потыкались об забор, поняли, что их замысел впустую, и разбежались. Одного даже удалось приколоть к стене. Мясо было вкусно, как никогда. Наверное, вкус прибавляло осознание сложной победы...
- Да какая победа, Владимир! Просто вижу – говорю!
- Хорош скромничать, Филипп! Давай же руку!

Владимир Маратыч сам нетерпеливо взял Филиппа за руку и крепко её пожал. Филипп второй рукой похлопал друга по плечу.

- А, кстати! Я ещё такую штуку соорудил! Вы такого ещё не видели!
- Ну, так чего стоим? Прикажешь нам тут заночевать? Впусти нас, а там уже и поговорим по-человечески.
- Ой, и правда! Заходите, заходите, мужики!

Мы начали заходить внутрь. Двор был засыпан всякой всячиной. Посередине стояла огромная воронка, к которой, к тому же, были проведены водосточные трубы с крыш дома и гаража. Горлышко воронки было заткнуто пробкой, а под конструкцией стояли бутылки и банки с водой. Из крыши дома шёл столб, на верхушке которого находились лопасти мельницы.

Дверь гаража была приоткрыта, внутри виднелся точильный камень, снаружи стояла скамейка, на которой лежали обработанные палки.

– А... А зачем вам столько копий? – спросил я, не выходя из образа умственно отсталого.

– Ну, сынок, что за вопросы! Я живу здесь, посреди леса, по соседству с монстрами. У меня важная миссия – содержать этот дом, защищать его от незваных гостей. Вот представь, пошёл твой отец с друзьями на охоту. Ходили они по лесу, искали зверя. Да не заметили, как ночь наступила. И никуда не спрячешься, не в землю же зарываться. Тут-то мой дом и пригождается. Приходишь, бросаешь камень во-он туда (Владимир Маратыч указал на подвешенный щиток), и я впускаю, по возможности накормлю и уложу спать. Вот, как-дом-то важен! Логично, что нужно хорошенько его защищать.

– Да не ломай ты язык! – сказал отец, – он у меня немного того, ну это... Как его?..

– Отсталый, – уточнил Филипп.

– Да-да! Вот, точно! Слово не мог вспомнить...

– Жаль мне его, на вид здоров, по нему и не скажешь, что у него отклонения, – сжалившись, сказал Владимир...

Этой ночью мне не спалось. Всё-таки первый мой поход. Сейчас всё выглядит отлично, но я понимал, что скоро, покинув дом, мы окажемся в этом жестоком мире... Что некоторые погибнут... Мне не хотелось уходить, покидать безопасные стены. С другой стороны, без этого мы вскоре умрём с голоду. Здесь мало что можно сделать. Этого я и боялся. К тому же, как тут заснёшь, если вокруг столько всего интересного. Внутри хижина Владимира Маратыча была ещё причудливей, чем снаружи. В углу стоял прибор, на котором дёргались стрелочки, а из самого прибора вверх уходил столб. Видимо, тот самый, с мельницей. От прибора отходили провода, ведущие к разным стойкам, на которых стояли уже новые приборы. В крыше имелся прорез, заделанный стеклом. Только необычным. Это стекло было изогнуто. Свет луны, падающий на него, распространялся по всей комнате, тем самым создавая какое-никакое освещение. Это было просто удивительно! Я и подумать не мог, что возможно сделать ночь такой светлой.

Почти все мужики уже спали, расположившись кто где: на койке, на изодранном диване, в кресле, на ковре или просто на полу. Не спали лишь Филипп, Безмолвный, Владимир Маратыч и ещё двое. Они обсуждали разное. Мне стало ужасно любопытно, и я попытался аккуратно, притворяясь спящим, подползти к участникам диалога. Владимир Маратыч показывал друзьям новые разработки. Подойдя к прибору, он дёрнул рычаг, отчего машина начала тихо жужжать.

– Чего эт за штука? – спросил Филипп.

– Это, мой дорогой друг, то, что может спасти нас от многих недугов. Духовка! Помнишь, как в детстве жареное мясо ел, а?

– Да, как можно забыть!

– Ну вот, этот замечательный прибор нужен для жарки мяса!

– Как же так? Ты что, огонь смог добыть?

– С огнём, конечно, не вышло, но прибор и без огня работает. По проводам энергию получает, с помощью энергии нагревает внутренние стенки. Внутри запихиваешь мясо и ждёшь. На выходе получается нечто восхитительное! Особенно, если на мелкие кусочки порезать, чтоб лучше прожарилась.

– То-то я чувствую, вкус у сегодняшнего ужина другой был...

– А как же! Мягкое, сытное, приятное на вкус. Плюс к тому, при жарке убивается множество вредных бактерий. У нас теперь будет меньше отравлений. Безмолвный, вспомни Линочку! Помнишь, как она мучилась от той заразы?

На лице Безмолвного сделалось неприятное выражение лица.

– Ну так вот, с этим прибором мы избежим подобных случаев! – строго и крайне убедительно заявил Владимир Маратыч.

– Хорошо, если так, – сказал Филипп, – надо, стал быть, и в посёлке такие же штуки соорудить!

– Точно! Но вот что ещё я вам покажу!

Старик подвёл слушателей к другому столу. Он стоял дальше, его закрывал подвешенный на перекладине ковёр. Отсюда я не мог увидеть, что они рассматривали. Но и незаметно подползти бы не получилось: пришлось бы огибать всю хижину. Поэтому я лег на землю и с задержанным дыханием пытался услышать, о чём же они всё-таки говорят. Прележав так несколько минут, я вдруг родил в своей голове отличную мысль: ждать, пока все заснут, а потом подойти и посмотреть. Что может быть проще!

Не смея засыпать, я долго ждал. Так долго, как только мог. Голоса стихли, все улеглись и заснули. Лунный свет, и то начал меркнуть, хижина потихоньку погружалась во тьму. Я аккуратно поднялся, чтобы не задеть соседа, встал на ноги и на цыпочках начал своё движение. Подойдя к столу, я аж ахнул от удивления. На столе стоял ещё более причудливый прибор, а также лежали необычные разукрашенные копыя с проводами на остриях. Я захотел осмотреть копьё, понять устройство механизма. Сначала лёгким движением руки я хотел прогладить остриё, чтобы проверить его на ровность и остроту...

Но вдруг меня кто-то ударил по руке. Обернувшись, я увидел в ночной тьме лицо и, приглядевшись, узнал Владимира Маратыча. Я испугался, но потом взгляделся в его лицо повнимательней. На нём не было выражения злости, скорее это было выражение лица учителя, смотрящего на оплошность ученика.

– Э-э-эх, ты! – протянул Маратыч, показывая на табличку «опасно» – щас бы убился к чёрту! Нельзя, нельзя трогать ничего без моего разрешения! Запомни, парень! Как тебя, кстати, зовут-то?

– А-Алексей...

– Лексей, стало быть... Хорошее имя, деда моего так звали. Что ж, вижу, очень ты любопытный!

Я промолчал.

– Ты не подумай, я не сержусь!

Снова молчание. Я отвёл глаза.

– Да что ты, Лексей! Успокойся! Я ж просто сказал быть осторожным. Подойди!

Я замер на месте.

– Да хватит мяться! Иди сюда, расскажу об этих штуках...

– Х-хорошо...

Я медленно подошёл к столу с копьями. Владимир Маратыч положил руку мне на плечо, а другой показал на копьё.

– Это, друг мой, наш шанс спастись! Копья с наэлектризованными остриями! Имея огонь, мы с лёгкостью смогли бы противостоять монстрам. Но без огня приходится туго. Благо, я смог использовать ветер и солнце, чтобы получать энергию. Энергию же можно использовать во многом: приготовление еды, обогрев жилищ, освещение, даже оружие. Представь, что, вооружившись такими копьями, народ пойдёт на монстров. При ударе электрический ток перейдёт в тело, сожмёт мышцы, что выиграет время. Эх, будь у меня возможность собрать ещё больше энергии, я смог бы сделать напряжение настолько высоким, чтобы удар был смертельным. Но это уже грёзы. Да и зачем, если, по-моему, и такого разряда достаточно для доминирования над тварями.

– Я с вами согласен...

– Молодец, если понимаешь такие вещи. Знаешь, я решил сделать один наэлектризованный кинжал, но никто не захотел его брать: думают, не эффективное оружие. Поэтому, вот, держи-ка!

Владимир Маратыч протянул мне красивый кинжал, который, видимо, был когда-то сделан под заказ: на лакированной деревянной ручке красовались причудливые узоры, лезвие было украшено позолотой. И довольно аккуратно к нему был прикреплён знакомый прибор. Кинжал сам прилетел мне в руку. И лёг в неё, как родной.

– Не смей его терять! Потеряешь его – потеряешь жизнь! Ну ладно, сынок, хватит на сегодня, пора спать...

- Пойдите...
- Что такое?
- Вы слышите?
- Нет, если ты не имеешь в виду храп и сопение...
- Нет-нет! Постукивания, шуршание...

– Ничего такого... Хотя погоди-ка! Верно, что-то шуршит...

Владимир Маратыч округлил глаза и выбежал на улицу. Пару секунд спустя он ещё быстрее ворвался обратно и схватил со стола ржавый колокольчик. Усердно звоня в него, Маратыч заорал:

– Живо вставайте! Подъём!

Все повскакивали со своих мест, всё ещё опьянённые прерванным сном.

– Беритесь за оружие, живо! – продолжал Владимир Маратыч. – Они уже здесь!

В этот момент от сильного толчка дверь с грохотом распахнулась и в неё влетело два монстра, которые сразу бросились на ближайших людей. У них не было ни единого шанса. Не успев опомниться, бедолаги уже лежали в крови, с разорванными острыми когтями телами. Следующие за ними уже успели взяться за оружие, а потому не дали себя в обиду...

Но только в течение нескольких секунд...

Следом стали забегать все новые и новые монстры. Они лезли изо всех щелей, пробивались в окна, в чёрный ход. Люди собрались в круг, растопырили копыя во все стороны, лучники встали на столы и начали, не переставая, стрелять. Все те, кому Владимир Маратыч презентовал электрические копыя, схватились за них и вышли вперёд. Кроме Филиппа – он не расставался со своим топором. А сейчас я на миг увидел похожий электризующий прибор, что и на копьях. Видно, Владимир Маратыч успел до этого усовершенствовать топор.

В таком построении мы были непоколебимы. Монстры просто не могли подобраться: перепрыгивая первый ряд копий, они сразу натыкались на второй. А если слишком долго накапливали силу для прыжка, получали стрелу в морду. Мы с Женей стояли почти в центре круга, без возможности принять участие в бою. Казалось, всё прекрасно, план общего похода оправдал себя, такими темпами мы пробьёмся через непроглядный лес...

Вдруг стеклянная часть потолка, находившаяся прямо над нами, треснула. Дом погрузился во тьму, на нас повалил дождь из осколков, а затем из монстров. Хитрые же твари! Они упали аккурат в центр, туда, куда мы не ожидали удара. Первый же монстр своим телом растолкал толпу, разбив тем самым наш оборонительный строй. Успев забрать ещё две жизни, он и сам был убит. Но следом за ним быстро начали сыпаться всё новые монстры, при этом наплыв с боков тоже не прекращался. Сколько же их там! Люди не успевали реагировать. Твари поломали столы, ослабив лучников, начали разрывать людей в клочья. Я схватил Женю и запрыгнул под обломки стола. Он попытался вырваться и рвануть в бой. Но я крепко держал его, зная, что ничем хорошим это не кончится. Он будет лишь одним из кучи трупов.

Мы сидели и смотрели на ужасную картину. Люди, пытаясь разглядеть во тьме хоть что-то, погибали в страшных муках. Монстры рвали их клыками и когтями. Вокруг крики, стоны, звуки дробления костей, жуткий рык зверей, а в воздухе стоял резкий, сводящий с ума, запах крови и внутренностей.

Вдруг я заметил, что пара зелёных глаз, светящихся во тьме, резко обернулась на нас. Мы задрожали, предчувствуя скорую гибель. Зверь начал разгоняться, в секунду пересёк полдома и, оттолкнувшись от упавшего на колени человека, прыгнул на нас. Всё, что я успел за эту секунду, – это вытащить кинжал, выставить его перед собой и зажмуриться...

Послышался рык, перешедший в стон, разряд электричества. Мои руки облила тёплая жидкость. Я раскрыл глаза, увидел перед собой огромную клыкастую морду. От страха я аж дёрнулся назад. Только миг спустя я понял, что морда не показывает признаков жизни, а причиной этому является торчащий из неё кинжал. Я вытащил спасительный подарок и обратился Жене:

– Надо бежать отсюда!

Напуганный, на этот раз он не противился моему решению. Мы вылезли из-под стола и побежали к двери, в которую уже никто не вбегал. Вслед мы услышали голос Филиппа Мохнатого:

– Ну что, слизняк? Понял, что ты ничтожество? И теперь бежишь, как трус? Бросаешь своих?

Женя обернулся и захотел рвануть обратно, чтобы доказать, что отец ошибается. Но я вовремя остановил его, схватил за руку и потащил за собой.

– Ты ничем не поможешь, это бессмысленно! – сказал ему я.

– Я так и думал! Ты не стоишь ничего! Будь ты проклят! Будьте вы оба прокляты! – закричал вдогонку разъярённый Филипп.

Мы видели лишь то, как он, стоя посередине дома, куда попадает лунный свет, встретился взглядом с большим монстром. Недолго думая, зверь прыгнул на Филиппа, а тот с размаху выставил свой топор вперёд, повторяя события, подарившие ему двухголовую шкуру. Но на этот раз он стоял чуть дальше. Видно, не надеялся на то, что зверь начнёт раздваиваться. А он начал. И сделал это столь аккуратно, что казалось, будто топор разрубил монстра на двух целых. От сильного выпада Филипп упал. Два маленьких зверя приземлились сзади и сразу ударили в спину. Дальше мы ничего не видели. Всё это время я вытаскивал расплакавшегося Женю из дома.

– Нет! Пусти! Я должен ему помочь!

– Бессмысленно! Надо бежать!

– Не-е-ет!

Я дал ему пощёчину. Он сразу вытер слёзы с глаз. Дав ему лежавший на земле обломок копья, я подтолкнул его к дыре в заборе. Уже у забора на нас побежал ещё один зверь. Мы легли меж вкопанных в землю кольев и, пользуясь временем, за которое он пытался нас достать, искололи его.

Далее наш путь лежал через непроглядный лес. Мы бежали быстро. Обламывали ветки. Сталкивались о пни. Врезались в стволы деревьев. В глазах начало темнеть. Сказывалась бессонная ночь. Голова закружилась. Да и поддерживающий меня Женя тоже поминутно слабел. В итоге, в очередной раз споткнувшись и упав в яму, мы потеряли сознание...

Меня разбудил Женя. Поднявшись и почесав болевшую голову, я осмотрелся. Мы упали на какие-то закрытые полотном ящики. Оказывается, это была не яма. Странно, мы находились в какой-то пещере. В потолке пещеры была огромная дыра, однако, отделанная какой-то металлической окружностью. Короче говоря, вся конструкция была похожа на люк.

Я сразу понял, что мы попали в секретный бункер. Никого, кроме нас с Женей, поблизости не было.

– Я решил поискать ответы в ящиках. – сказал Женя. – Где-то откопал ломик и вскрыл один ящик. Вот, посмотри!

В ящике были разложенные по алфавиту пробирки, которые когда-то были наполнены белой жидкостью. Но сейчас она уже засохла. Сначала я не понял, что это, но потом прочитал надпись на пробирках: «Овца». До меня сразу дошло, что это сперма овцы. Я вскрыл еще пару ящиков, там находились семена коровы, свиньи, лошади. Для чего им хранить столько спермы животных? Надеюсь найти ответ, мы пошли вглубь пещеры.

Вскоре мы пришли к железной двери. Дверь была раздвижная, но без электричества заела. Еле раздвинув створы, мы забрались внутрь. Помещение определённо являлось какой-то лабораторией. В лаборатории тоже не было ни души, только разбитые банки. Везде битое стекло и много засохшей крови на стенах. Тут мы нашли зал, посередине которого стояли две огромные капсулы, такие огромные, что туда мог поместиться жираф, или даже слон. В углу стоял генератор, в топливном отсеке которого было три отверстия для неких батарей. В них уже были вставлены разряженные батареи, Вытащив их, мы начали с призрачной надеждой на чудо искать такие же. И чудо свершилось. На стене висел шкафчик с заряженными батареями. Вставив их, я дернул рычаги включения от самых значительных комнат лаборатории. В тот же миг в этих комнатах загорелся яркий свет.

В зале с капсулами я нашёл терминал, зашёл в папку «Звуковые записи», начал прослушивать. На записях говорилось об экспериментах в генной инженерии, воссоздании взрослой особи животного из спермы и клонировании.

Последняя запись

День... да кому это вообще нужно? Кто будет слушать этот бред? Правильно, никто. Поэтому я буду говорить, всё что думаю.

Эти психопаты думают, что можно воссоздать взрослое, чёрт побери, животное, имеющее все органические функции и не отличающееся от настоящей версии ничем, имея только сперму этого животного и смешанную биомассу. Только вдумайтесь! Это еще ладно. Но клонирование... Это уже верх ишизофрении!

Я уж не говорю о прочем безумии, что творится здесь. Один идиот привёз живого тигра на базу, так ещё и оставил его без присмотра. Тигр был голодным, ну и разорвал на мелкие куски трёх работников, включая самого дебила.

Это место ужасно. Пожалуй, не буду более вести запись, всё равно от неё нет толку... Эта лаборатория – бесполезное вложение денег. Завтра же увольняюсь.

Звук включения огромного прибора

Постойте, что там такое? Поверить не могу! У них получилось! Они воссоздали леопарда!

Ух ты, да там два леопарда, еще и клонирование прошло успешно!

Стойте, их уже три!

Чёрт, уже пять! Капсула не выдержит, она трескается!

Уже восемь леопардов, нет! Они выбрались!

*Ох, сука! Они выпустили Васе кишки, нет, Вася!
Дьявол, сколько крови! Их всё больше!
Спасите, кто-нибудь! Они пробираются ко мне!
Передайте моей жене, что я люблю её. Моё имя Александр Му-а-а-а!*

Крики боли и звуки раздавливаемых костей

Далее запись оборвалась. Я стоял в шоке, смотря на лежащее неподалёку обглоданное тело...

Я всё понял, этот инцидент – причина голода в посёлке. Леопарды... так вот, как они называются... разбежались по округе и закрыли пути отступления. Более того, они помешали какому-то эксперименту с кислородом. Я нашёл очень мало информации об этих исследованиях. Говорилось о прототипе химического оружия. Свалились же нам эти учёные на голову... Леопарды помешали эксперименту, в итоге в атмосферу было выброшено огромное количество этого «бракованного» кислорода, в котором нельзя зажечь никакой огонь. Всё стало явным. И здесь я решил исполнить свой план. Здесь мы как-нибудь да сможем связаться с остальным миром!

Найдя радиорубку, мы были в восторге. Она была сделана отлично. В книгах всё описывалось намного, намного примитивней. Насколько же мы откатились в развитии, если сравнить нас с остальным миром... У которого есть огонь и электричество, радио и телевидение...

Включив машину, мы попытались настроить частоту. По подсказкам из документов мы узнали частоту, на которой можно связаться с некой «Материнской лабораторией». Настроив сигнал, мы попытались передать хоть что-то.

– Прошу, отправьте помощь! – неустанно повторял я. – Мы находимся в Еловом бору, это посёлок под Казанью!

Нетерпеливо ожидая ответа, я в течение двух дней каждые пять минут повторял просьбу о помощи, снова и снова... Пока не закрыл лицо руками и, пытаясь сдержать слёзы, повалился на стул.

– Слушай, Лёх, не расстраивайся! – похлопал меня по плечу Женя.

– «Не расстраивайся»? В кой то веке у нас появилась надежда на спасение. И, уже почти получив его, всё, будто, сорвалось с крючка! Оказалось, спасение – лишь иллюзия, а надежда – пустая трата времени, попытка утешиться, смотря на иллюзию...

– Ты что? Это всего пара дней! Они по тысяче причин могли не прослушать наше сообщение! Что ж, ты будешь сдаваться?! Ты – единственный человек, который решил связаться с миром, пытался придумать эффективный способ пробраться через лес, пока другие просто шли напролом, выступая с луками против этих... леопардов, как говорилось в их описании, одних из самых быстрых зверей на планете... И ты сдашься, не вытерпев на второй день?

– Ну, вообще-то он прав, Жень, – сказал вдруг кто-то позади нас.

Мы повернулись. Позади стоял Владимир Маратыч, весь в крови, своей и животной. У него было перевязано плечо. Видно, что ему было очень больно, но, сжав зубы, он терпел, совершенно не придавая особого значения своим ранам. Его волновало что-то другое.

– Эх, детишки... Знали бы вы, сколько времени я пытался связаться с ними. Несколько лет! Но нет, они забыли про нас!

– Вы уже несколько лет пытались связаться с ними? То есть, вы знали о лаборатории? – проворчал Женя.

– Да, знал... Всё это время... На самом деле я и не жил в Еловом бору. Тогда, в 1993, устроился охранником сюда, в лабораторию... И я даже успел проработать там месяца четыре, до того, как всё перевернулось...

– Но почему вы не рассказали остальным? – спросил я.

– Я тогда надеялся на быстрое спасение. А потому, в интересах государства, я не должен был ничего разглашать. Поэтому в первое время я просто пытался передать сообщение. Потом понял, что нас не слышат. Не знаю, почему. Может, из-за инцидента волны в атмосфере иначе перемещаются. А может, нас просто не хотят слушать. Материнская лаборатория считала местные эксперименты невыгодными и не ведущими к успеху, даже грозила прикрыть это место. Ну вот, нате, пожалуйста. Случайность сделала всё сама.

– Но, поняв всё это, вы всё же сохранили верность корпорации?

– Хе-хе, не-е-е! Плевал я на них! После осознания моего положения я решил изменить стратегию: использовать материалы лаборатории, чтобы создать безопасные условия проживания и средства, с помощью которых можно выбраться отсюда. К тому времени я уже жил в той хижине. Когда-то там жил лесник, но он стал лёгкой добычей для монстров...

– Леопардов? Вы же наверняка знаете, как они называются?

– О, так вы тоже узнали! Молодцы, наблюдательные парнишки!

– Чем кончилась бойня? – вдруг спросил Женя, – кто-нибудь выжил?

– Должно быть, выжили, а как же! Правда, жаль, что так мало. Из всех сорока семи мужчин только одиннадцать, по крайней мере, столько было, когда я...

Когда я сбежал...

– Вы сбежали? Но почему?

– Слушай, сынок, я сразу понял, что ты не умственно отсталый, но задавать такие вопросы... Следует принять, я – единственная их надежда на спасение. Пусть они того и не знают, но это так. Ведь я могу дать им технологии, с помощью которых они бы выжили и смогли выбраться из этого ада. Никто больше не знает о лаборатории. И до сих пор никто её не нашёл. А если кто и найдёт, скорей всего не сможет никак применить местные приборы. Только я кое-как разбираюсь в них! И умирать мне было просто непозволительно...

– А мой отец? Что стало с ним? Он жив? Не говорите, что он погиб! – вскрикнул Женя.

– Не знаю, сынок, говорю же, не видел последние моменты...

Женя опустил голову и захныкал.

– Владимир Маратыч, что нам делать сейчас? – спросил я. – Восстанавливать хижину?

– Нет, слишком много времени я просрал на эту развалюху. Лучше было укрепиться в лаборатории... Короче, мы отправимся в посёлок. Встретимся там с выжившими и расскажем об этом месте. Но прежде соберём всё нужное, что возможно нести, не замедляя шаг. По дороге зайдём в хижину, там тоже много разного...

Почти всё готово, мы собрали небольшие сумки, сложив туда источники энергии, запчасти, лампочки и ещё некоторые необходимые для создания приборов предметы. Прямо перед уходом я рассматривал документы о химическом оружии и эксперименте с кислородом.

– А что, если вернуть местную атмосферу к прежнему состоянию? – спросил я у самого себя.

Подойдя к прибору, закачал туда «бракованного» кислорода, а после постарался обогатить кислородом каждую молекулу, чтобы его было достаточно для реакции горения. Но, видно, это было слишком сложно для двенадцатилетнего парнишки, который вырос в обществе, что откатилось в развитии на... Двадцать тысячелетий?

Моя ошибка сломала аппарат. Внутри капсулы произошёл взрыв. Стекло треснуло и комнату наполнил какой-то газ. Я побежал к двери, по дороге споткнулся о валяющийся стул. Потом долго не мог открыть дверь. В глазах двоилось, всё переливалось радугой. Наконец, выбежав из самодельной комнаты пыток, я отдышался. Впервые в жизни этот неполноценный противный воздух я вдыхал с наслаждением.

Поднявшись, я постучал себя по виску. Зрение больше не искажалось. На вид всё было нормально. Лишь немного погодя я начал ловить себя на странных мыслях в голове. Всё, больше не буду и близко подходить к этим аппаратам, от них одни беды! Надо помочь семье и остальным выжить.

Уже уходя из лаборатории, я нашёл небольшой контейнер. В нём что-то лежало... Это была завернутая в фольгу мясная котлетка. Я был настолько рад, что аж в голове будто прошёл разряд тока. Котлета может спасти мне жизнь, я не должен её бросать. Потому я взял котлету с собой.

По дороге к хижине я пару раз спотыкался о корни деревьев, в чём меня упрекали спутники. Но я не обращал на них внимания. Всё глядел на сумку, в которой лежала котлетка.

Дойдя до хижины, мы увидели страшную картину. Дневной свет раскрыл все её ужасы в полной мере. Во дворе лежал ещё живой леопард. Но, видимо, ненадолго. Из его брюха торчало обломанное копьё, одна нога была оторвана. Он скулил, дрожал от боли, стараясь вытащить копьё.

– Ему недолго осталось, – сказал Владимир Маратыч, – много крови потерял.

Я, словно не понимая, что делаю, подошёл к зверю, сел прямо у его морды. Меня попытались поднять, но я оттолкнул их руки. Зверь слабо рыкнул, но был не в силах сделать ничего больше. Я положил руку на его голову и, утешая, погладил. В глазах зверя проступили слёзы.

– Тс-с-с... Тише... Всё хорошо... – прошептал я.

Другой рукой я достал свой кинжал и приставил его к горлу леопарда. Миг спустя кинжал прошёл сквозь его голову.

Хижина была похожа на склад мясокомбината, только всё мясо находилось в крайне неделикатном положении. Отдельно валялись желудки, почки. Словно гирлянды, повсюду висели кишки. Трупы леопардов лежали прямо на людях, с открытыми переломами и с торчащими из тел копиями и стрелами. Под одним из таких мы нашли Безмолвного. Его труп был в ужасном состоянии: ноги оторваны, внутренности наружу, а лицо застыло в ужасной мине.

– Покойся с миром, дружище! – пробормотал Владимир Маратыч.

После ночёвки в погребе и утреннего отделения самых лучших кусков мяса, чтобы прийти в посёлок не с пустыми руками, я снова сел в погреб и достал котлетку. Смотря на неё довольно долго, я думал уже её съесть, чтобы утолить свой сильный голод. Но смотря на этот кусочек фарша, я видел нечто большее. Я видел светлое будущее, видел цель. Цель, к которой надо стремиться. Ради которой можно жертвовать многим. И всё это в одной котлетке. У меня открылись непередаваемые чувства, которые можно назвать лишь одним словом – любовь. Я

так сильно её полюбил, что не мог с ней расстаться, тем более съезжать. Поэтому лишь нежно её поцеловал и положил на дно сумки.

Мы шли тихо, как только могли. Один раз вдалеке пробежал леопард. Хорошо, что сумки закрывались плотно и не пропускали запахи. Иначе пленяющая вонь мяса сразу бы нас погубила. Ещё немного, и мы выбрались на опушку. Наконец этот лес кончился. Наконец впереди виднелся родной дом.

Мы рванули с места и побежали со всех ног. Владимир Маратыч еле успевал за нами. Подбежав к воротам, мы постучали в них палкой. На стену взобрался один из наших и закричал:

– Открыть ворота!

Внутри нас встретили почти все жители. Их было мало. Слишком мало. Большую часть занимали женщины и дети, боеспособных мужчин буквально можно было посчитать по пальцам. Среди знакомых был мой отец и те двое, что получили электрические копыя. Мы скинули с себя сумки и присели на землю. Вдруг толпу растолкал Филипп Мохнатый, вышел вперёд. Он был сильно потрёпан. Руки были перевязаны во многих местах, а также не было правого глаза.

– Вы ещё посмели прийти сюда, мелкие засранцы? – прокричал он. – Вы бросились бежать, пока ваши друзья погибали!

– От нас с самого начала не было толку! – парировал я.

– Ты не имеешь права ничего говорить. Ты просто трус!

– Папа, я пытался вырваться, броситься к тебе на помощь! – жалобно промямлил Женя.

– Видно, не очень хорошо пытался, раз пришёл только сейчас! Сейчас, когда ничего уже не вернуть! Все мои дети погибли! Моя дочь умерла у меня на руках, заклёбываясь в собственной крови! Её последний взгляд снится мне ночами!

– Но ведь я тоже твой сын...

– Заткнись! Ещё раз назовёшь меня отцом или себя моим сыном, разрублю пополам! Инвалид хренов!

– Он не виноват, что родился таким! – вступился я, – он просто хочет, чтобы вы считали его вашим сыном!

– Ах так! Ну ладно, дам ему один шанс! Ты, слизняк, – повернулся он к сыну, – бери оружие! Давай, покажи мне, что ты хоть чего-то, да стоишь! Если сможешь сбить меня с ног или хоть раз ударить... но так, чтоб я почувствовал хоть малость. Тогда я назову тебя сыном, как ты и хочешь. Но ни черта у тебя не выйдет. Даже в таком хреновом состоянии я уделаю тебя! Только, учти, я задолбался тебя жалеть! Сейчас, если проиграешь, я тебя убью!

– Филипп! Остановись! – крикнул Владимир Маратыч – Нам нельзя ругаться! Мы принесли...

– Заткнись, старик! С тобой у нас будет отдельный разговор! Это твой забор настолько хреново поставлен, что монстры могут прорваться через раз! Из-за твоей невнимательности и лени погибли почти все! Ну чё, сопляк, готов доказать мне, что достоин того, что просишь?

– Да, готов!

Женя огляделся. Нигде не было копыя, которое бы он смог держать.

– Ну, раз ничего не можешь, бейся руками! — усмехнулся Филипп – Давай, ударь меня!

Владимира Маратыча держали двое. Он не мог ничего сделать, поэтому я бросился к Жене, чтобы его оттащить. Но меня сзади кто-то схватил. Это был отец.

– Это их дело, сын. Оставь его! – подавлено сказал он.

Увидев у меня электрический кинжал, отец вынул его и кинул Жене. Женя улыбнулся, поднял кинжал и повернулся к отцу. Из зрителей образовался круг. Филипп и Женя двигались по окружности, обходя друг друга сбоку. Филипп подманивал Женю к себе, оскорбляя и унижая его. Женя двигался очень неуверенно, пару раз споткнувшись о собственные ноги. Наконец, когда Филипп отвёл глаза, Женя сделал выпад, целившись в ногу. Но это была ловушка. Филипп специально отвёл глаза, чтобы вынудить сына напасть. Ловко отпрыгнув, Филипп резко махнул топором, ударив Женю в бок. Разряд тока пронёсся по телу Жени. Он упал, жутко подёргиваясь, но был ещё жив. Глаза его были устремлены на отца. Филипп встал прямо перед сыном, занёс топор над головой.

– Не-е-ет! – вскричали мы на пару с Владимиром Маратычем. Старик вырвался и побежал в центр событий. Филипп Мохнатый с силой рубанул...

Топор встретил цель. Но не совсем ту. Он глубоко вошёл в грудь Владимира Маратыча, который успел встать перед Филиппом с выдвинутыми руками. Старик что-то невнятно прохрипел. Из его рта хлынула кровь, и он упал на бок. Филипп, ошарашенный таким событием, сделал два шага назад.

– Чего ты сделал, Мохнатый? – Крикнул один из толпы. – Ты видел, что он мастерил? Нам таких вещей не соорудить! И чё нам теперь прикажешь делать?

– Я не хотел... Он сам...

– Какого хрена ты всё это затеял?! – выступил другой.

– Говорят вам, Маратыч сам полез, а с мелким – это его дело. – закричал в ответ друг Филиппа.

Все начали кричать и пререкаться. Филипп, устав всё это слушать, рявкнул:

– А ну хватит всем!

Как вдруг почувствовал сильную боль в груди. Тот, первый, кто начал спор, воткнул Филиппу в спину копьё. Остриё прошло насквозь, окровавив двуглавую шкуру. Филипп упал на живот, смотря на лежащего неподалёку Женю.

– П-п-папа... – расплакался Женя.

– С-с... – хрипел Филипп.

– Папа!

– С-с-сын...

Они потянулись друг к другу и крепко взялись за руки.

– С-сын... – продолжал хрипеть Мохнатый, – п-п-прости меня...

С этими словами он раскашлялся и испустил дух. Между тем мужики начали орать друг на друга.

– Чё ты сделал, урод?!
– Заткнись или будешь следующим!
– Значит, хочешь померяться силой?! Давай же, мы с Филиппом монстров гоняли, когда ты ещё сопли пускал!

Всё дошло до драки. Женщины, пытавшиеся разнять дерущихся, попадались под руку. Совсем скоро драка перешла в поножовщину. Упали первые тела, а живые, будто сошедшие с ума от голода и злости, начали нападать на всех, кто стоял на пути. Некоторые даже впивались зубами в шею, бока и прочие мало защищённые места, выдирая куски плоти. Отец хлопнул меня по плечу, крикнув:

– Надо уходить отсюда!

Мы взяли сумки, подбежали к Жене. Прихватив свой кинжал, я на бегу сунул его в ножны. Обхватив Женю с двух сторон, мы потащили его к себе домой. Запершись там, мы нашли нити, иглу и бинты. Женя кричал, ревел и вырывался, пришлось его связать.

Было бы у нас что-нибудь для притупления боли... Но такой роскоши нам в этой суматохе было не найти. Пришлось зашивать рану без каких-либо вспомогательных средств. Ни я, ни отец не умели накладывать швы, поэтому делали всё топорно. Жене было ужасно больно. Даже сжатые зубы не могли удержать этот дикий вопль. На крик прибежал один из обезумевших мародёров. Он разбил окно и забрался внутрь. Зубы его были красными от человеческой крови, глаза горели белым пламенем. Благо, отец был намного опытней его. Людоед пал достаточно быстро. Мы затащили Женю в подвал, чтобы криков практически не было слышно, там закончили наложение швов. Друг уже не подавал признаков рассудка. Измученный болью и горечью недавней утраты он мог лишь сидеть и повторять под нос:

– Отец... отец... па-п-па...

Мы начали разбирать сумки. Вдруг оказалось, что из всех трёх сумок мы не захватили именно ту, в которой было нарезанное мясо. Мы начали выгребать всё содержимое взятых сумок. Все эти запчасти имели смысл, только когда был жив Владимир Маратыч. Сейчас это просто хлам, всё как он и говорил. Без него мы не спасёмся. Нас постигнет лишь одна участь. Это лишь вопрос времени.

Добравшись до дна сумки, я вдруг увидел мою котлетку. И сразу замер. Голова закружилась, а веки стали тяжелеть. Но миг спустя всё прошло.

– Ну что, нашёл что-нибудь, сын? – спросил меня отец, подползая к моей сумке и заглядывая туда. Увидев котлету, он обрадовался. — Да, отлично! Хоть что-то, да поедим!

– Её есть нельзя!

– Почему это?! Выглядит неплохо.

– Просто нельзя и всё!

– Слушай, у нас тут голод. Вон, друг твой лежит, без еды умирает. А ты котлету защищаешь!

– Она моя! Моя драгоценность!

– Ну всё, Лёха, хорош!

Отец вытащил у меня из рук котлету. Я, будто уведя мысли в туман, набросился на него. Все чувства испарились. Остался только гнев. Гнев и страх. Страх за любимую котлетку. Пнув

меня, отец выбежал из подвала. Я следом за ним. Он стремился к выходу. Подняв лежащий на столе лук, я наугад выстрелил. Стрела угодила в голень. Отец застонал, споткнулся и упал, ударившись головой о стену. Котлета выпала из его рук и упала под окном. Я вынул кинжал, перевернул отца на спину и начал, не переставая, колоть его в горло. Он округлил глаза, начал дёргаться в агонии. Кровь брызгала во все стороны. Меня залило ей полностью. Обернувшись к котлетке, я увидел, что рядом с ней стоит потрёпанная ворона с белым пятном на груди, смотрит на котлетку и жадно облизывает свой клюв.

Я вскочил, чтобы прогнать её. Но она была слишком голодна, чтобы бояться людей. Я не успел... Она быстро взяла клювом котлету и вмиг сожрала её... Я в ярости схватил птицу, поднёс её к себе, со злостью посмотрел ей в глаза. И тут я испытал то чувство, которое ощущал, когда на меня смотрит котлетка. Я осознал, что котлетка вселилась в птицу, чтобы сделать нам обоим лучше. Сама теперь она может улететь, когда почует опасность, потом вернуться. А я теперь могу поговорить с разумным существом, одновременно с моей любимой.

Отныне мы жили втроём: я, Женя и Птичка-Котлетка. Жили мы хорошо, мяса отца и того мародёра хватило на долго. Тем более Женя больше ничего не ел, просто сидел на месте и молчал. Какой хороший друг!

Птичка и я тоже многого не требовали. Чтобы скоротать время, я иногда читал им книги. Одну и Жене дал почитать, но он даже её не взял. Видимо, не хотел глаза напрягать. А-то у него они такие бледные. Видно, устал...

Мы смотрели в окна. Повсюду бегали люди, только вместо улыбки на лицах у них был зверский оскал. Они думали только о поиске еды. Неужели я единственный человек в этом месте, который еще не утратил таких чувств, как любовь и сострадание... За это время в посёлке уже почти не осталось людей. Некоторые передохли от голода, забившись в угол. Некоторые от рук других людей. А пытающихся выбраться из этого округа ждала участь похуже – они были разорваны голодными леопардами.

Пара дней, и мы оказались единственными в посёлке. Но вдруг моя Птичка-Котлетка заболела, причём очень серьёзно. Я пытался ей помочь, но она слабела с каждым днём. Ей становилось всё хуже, как и мне. Ведь я любил её всем сердцем, любил её больше, чем кого-либо в своей жизни.

Я должен был её спасти. Нужно было сделать инъекцию. Найдя шприц, я наполнил его лекарством. Лекарство я сделал сам. Растолок активированный уголь, смешал его с водой. После инъекции птичке лучше не стало. Спустя день она задрожала, начала задыхаться. Неужели это конец? Неужели я потеряю любимую из-за какой-то болезни? Моя Птичка... моя Котлетка...

Птичка скончалась. Я просидел в слезах много часов. Решив подышать воздухом, я вылез из подвала, вышел на улицу и вдохнул полной грудью. Выдохнуть спокойно у меня не получилось. Я раскашлялся, у меня будто ком из горла вылетел. Я снова вдохнул и опять. Наконец, откашлявшись, схватился за голову. Я будто пробудился ото сна. Рассудок вернулся ко мне. И, провернув все события в голове, я побежал назад. В подвале на столе лежала мёртвая птица с подбитым крылом. Раньше этого не замечал... Я взглянул на Женю. Но это уже не был он, лишь его труп. Рана загноилась, он умер в муках, не в силах ничего сделать или сказать. Он потерял рассудок ещё тогда, когда мы зашили ему рану. Я даже этого не заметил, ведь был увлечён... чем? «Любовью» к... котлетке? Что вселилась в птицу...

Любой посчитает это бредом. Теперь и я так считаю. Птица не уходила, так как не могла улететь, а до окна, единственного для неё выхода, она не могла достать. А не потому, что котлета вселилась в тело птички... И умерла птица как раз оттого, что съела котлету. Кто знает, сколько времени она лежала в том контейнере в лаборатории... Получается, всё, что я делал

в последнее время, – было бессмысленно... Всё, во что я верил – ложно. Но что свело меня с ума?

Я подумал и снова взялся за голову. Тот газ, которым я надыхался перед уходом из лаборатории! Должно быть, это его действие. И только сейчас оно наконец прошло. Но уже слишком поздно. Зачем я вообще полез к приборам?.. Наверное, думал, что мальчик в таком возрасте, почитав старые газеты и книжки, сможет исправить всё в один миг. Ну что за дурак... Эта ошибка стоила многих жизней. Жизни Жени, жизни моего отца. Подумать только, я убил собственного отца из-за любви к котлете... Но это была не любовь, а лишь иллюзия, вызванная газом...

А также я мог бы спасти многих, попытавшись успокоить беспорядок, показав людям, что мы принесли из лаборатории. Возможно, мы смогли бы собрать приборы, начать их использовать. Владимир Маратыч считал меня своим учеником. Он верил, что я бы разобрался, стоило почитать инструкции, принципы работы и прочую теорию. Но я был ослеплён по своей же вине. И по моей вине погибли все...

Простите, Владимир Маратыч, я вас подвёл...

Теперь мне оставалось лишь ждать своей участи. В одиночку я ничего не сделаю. Уже слишком поздно. Эх, а что бы я сделал, выбравшись из всего этого ада? Наверное, я постарался бы спасти как можно больше людей. Будь-то от голода, или от опасности. Неважно. И я бы отдал жизнь на движение прогресса человечества, ни недели бы не потратив на свои собственные прихоти. Я был бы вечным слугой всех людей. До самой смерти. Но, к сожалению, она вот-вот придёт... Всё кончено...

Вдруг я услышал снаружи громкий гул. Выглянув из подвала, в окне я увидел, как с неба на посёлок летел какой-то непонятный горящий объект. В первый раз я видел огонь. И, должно быть, в последний. Уже не волнуясь ни за что, я стал ждать дальнейшего.

Объект со всей силы ударился о землю, и прогремел огромный взрыв. Ударная волна в миг пронеслась через всю округу. Стены дома резко лопнули и пронеслись за ней. Я ударился головой о люк подвала и упал вниз...

Спустя некоторое время я пришёл в себя. Уже не гремело. Вместо подвала я был на улице.

Вернее, это всё ещё был подвал, но потолок и весь дом снесло взрывом.

Я вылез из ямы и осмотрелся. Вокруг на несколько километров простиралась пустыня из пыли и пепла. Не было посёлка, не было поля, не было леса. И ни души... Лишь на горизонте виднелось что-то, смахивающее на деревья. Неподалёку, в эпицентре взрыва, находилась воронка.

Я хотел было пойти к кратеру, но вдруг прямо из него вверх взвилось какое-то облако. Оно подлетело ко мне. Почувствовав на себе его взгляд, я попятился назад. Тут облако подлетело к трупю Жени. И начало влетать внутрь. Когда оно полностью пропало в бездыханном теле, Женя вдруг дрогнул. И потом ещё раз, и ещё...

Он начал хрустеть костями и суставами. Выставив ногу, поднялся на ней. Уже разлагающееся тело жутко встало, начало вправлять конечности. Швы с металлическим треском лопнули. Я и не знал, что нити могут так трещать. Рана, оставленная топором, снова стала свежей, а после быстро затянулась, оставив лишь мелкий шрам. Поднявшийся из мёртвых Женя осмотрел свои руки, потом мои. Вдруг его руки стали изменяться в ширине и вскоре стали пропорциональными телу. Он посмотрел на меня.

– Женя? — неуверенно начал я.

– Н-Нет... Я... Н-Не Ж-Ж-Жен-ня... – кряхтел восставший из мёртвых.

– А кто?

– Д-д... Д-Да...

– Кто?

– Д-Дай м-м-не сек-унду...

Он помассировал гортань, зажмурился и помотал головой. Потом побил себя кулаком по груди.

– Кхе-кхе! Всё, так-то лучше! – сказал он без запинки.

– Так кто ты?!

– Моё имя Шак'Хид. Я один из Neil Quare. И именно я создал эту Вселенную.

– Подожди, а что ты сделал с Женей?

– Я лишь принял его облик, а также его память, его знания о мире, о языке и прочем. Теперь мне будет намного легче общаться с жителями Земли и понимать их. Что ещё ты хочешь узнать?

– Что за Neil Quare?

– Мы – первые жители этого мира. На нас была воздвигнута ответственность – создать множество новых жизней. И я преуспел, создав всё это. – он провёл руками вокруг себя.

– Ты создал Землю и Солнечную систему? Правда?

– Не только их. Солнце — лишь одна из самых малых звёзд во вселенной. А всего звезд и не перечесть. Я летел сюда миллиарды лет, а звёзды всё не редели.

– Ну, и зачем ты сюда прибыл?

– На самом деле, я уже давно хотел приземлиться на планету с жизнью и поведать её жителям тайны Вселенной. И я нашёл идеальную для этого планету. Но прямо у меня на глазах её уничтожил... хм... Женя не знал такого слова... попробую объяснить. Огромная глыба, плывущая в космосе...

– Астероид?

– Да, возможно. Ну так вот, от планеты остался лишь небольшой осколок, на котором растёт Великое Древо. Меня отбросило взрывом, и я прилетел сюда. Здесь у меня нет особой цели. Моя цель там – далеко в космосе. Отлично, наконец я смог себя остановить. Теперь я смогу направиться в обратном направлении и прибыть туда через миллиард-другой лет. Ну всё, я улетаю. Прощай, очкожуй!

Я удивился. Женя шутки ради назвал меня так лишь пару раз за всю жизнь. Неужели это так ему запомнилось? Впрочем, неважно... Сомневаться в силах этого существа бессмысленно.

Женя, то есть Шак'Хид рассыпался, словно песок, потом огромное количество пыли и песка собрались в облако, превратившись в нечто переливающееся. Облако попыталось взлететь вверх, но под силой притяжения не смогла улететь далеко. Попробовав несколько раз, Шак'Хид ничего не добился. Он вернулся на Землю, принял облик Жени и сел, закрыл лоб рукой. Вдруг у меня родился замечательный план. Я подошёл к Шак'Хиду и потрогал его за плечо.

– Что тебе надо?!

– У меня есть идея!

– Какая же, интересно?

– Помню, нашёл одну книгу, там говорилось о первых полётах в космос. Получается, если ещё полвека назад люди летали в космос, сейчас, думаю, их технологии продвинулись достаточно, чтобы перелетать на другие планеты.

– Отличная мысль! – обрадовался Шак'Хид. – Тогда отправляемся!

Мы двигались быстро. По дороге мы набрали на вход в лабораторию. Он был весь в пепле. Шак'Хид, не задумываясь, залетел внутрь, пронёсся по всему комплексу и сломал опоры. Потолок рухнул, засыпав всё огромным слоем мусора. Затем Шак'Хид свалил в образовавшийся

овраг большие куски земли, которые идеально скрыли намёки на лабораторию. Мне оставалось лишь восхититься...

Шли мы уже больше часа. И наконец пересекли линию, где остановилась взрывная волна. Вот и всё. Я покидаю дом. Здесь всё началось. Но закончится точно где-то далеко отсюда. Хотя, кто знает...

Наконец мы дошли до указателя «Казань». Воздух здесь был крайне сладок. Я наслаждался каждым вдохом. Здесь была дорога. Она шла далеко за горизонт. Я уж хотел выйти на её центр, но издалека с огромной скоростью стала приближаться светящаяся точка. Эта точка оказалась автомобилем с включёнными фарами. Он пронёсся мимо нас на огромной скорости и унёсся вдаль. Следом за ним к нам ехал ещё один, с жёлтой табличкой на крыше. Шак'Хид снова принял облик облака, влетел в машину прямо на ходу. Машина, проехав ещё немного, резко затормозила. Я подбежал к ней. Дверь открылась, оттуда вышел толстый мужик с пролысиной.

– Это я, Шак'Хид. – сказал он.

– Постой, а что произошло с тем человеком? Ты можешь его вернуть?

– Эээ, погоди-ка...

Он ругнулся так, что я, прожив среди жестоких от жизни людей, даже и не знал таких слов.

– Похоже, не могу. Я смешался с ним, теперь его тело и всё, что было внутри – моё... Ох, чёрт! Твой друг! П-Прости меня...

– Не извиняйся, он уже был мёртв. Но впредь будь предусмотрительней!

Доехав до города, я не мог оторваться от окна. Дома тянулись до небес, всё горело яркими красками. Я попросил остановиться у дома с надписью «ресторан».

– Зачем нам сюда? – спросил Шак'Хид.

– Вроде как, это место, где можно поесть.

– Я не хочу есть.

– А я очень хочу.

– Ну ладно, как знаешь...

Захватив сумку мужика, мы зашли внутрь. Здесь было много столов со стульями. Люди сидели и спокойно ели. Мы тоже сели. Вскоре нам принесли меню и какие-то палочки. Они пахли аппетитно. Я попробовал одну и уже не мог остановиться. Съел всю тарелку.

– Какая вкуснятина! Знать бы, что это, – сказал я.

– Хлебные палочки.

– Хлебные... хлеба я ни разу не видел, лишь слышал о нём.

– Это лишь закуска. Давай закажем тебе что-нибудь. Читай меню!

– Так, посмотрим... Супы... Берём! Салат... неужели поем что-то растительное... Салат тоже берём. Мясные блюда... ух, сколько их! Давай вот это – стейк из мраморной говядины... интересно звучит. И вот – т-тунец на гриле, что за тунец?

– Рыба такая.

– Ну, значит его тоже.

Шак'Хид посмотрел в меню, затем достал из сумки какие-то бумажки и пересчитал их.

– Да у нас денег не хватит!

– В смысле? Что за деньги?

– Вот деньги. – сказал он, протянув мне какие-то бумажки. – Смотри, рядом с блюдом его цена – сколько рублей (так эти деньги называются), нужно заплатить за блюдо. У нас лишь тысяча рублей. Хватит на какой-нибудь стейк... или пасту – это макароны с мясом и соусом. Ну и на напиток, чтоб в сухую не есть. Официант!

К нам подошёл молодой парень, Шак'Хид заказал еду.

– Я и не знал о деньгах...

– Похоже, я теперь знаю о твоей родной планете больше, чем ты. Неужели поглощенный мной человек был столь умным?

– Нет, скорей всего он был средним человеком. Просто он жил в ногу со временем, а я был вынужден...

– Да, уже понял... Я знаю, где ты жил, у меня есть память Жени. И, кстати, у человечества нет таких совершенных технологий. Они не летали даже на Марс, ближайшую планету. Человек это тоже знал.

– Неужели они развиваются так медленно? В чём же причина? Этого он не знал?

– В разногласиях. В разногласиях людей по всему миру. Люди разобщены. Каждая группка хочет добиться чего-то своего. И очень часто для достижения цели приходится жертвовать благосостоянием других. Человек знал прекрасную аллегорию на этот счёт. Представь ведро с раками. Ты ведь представляешь себе раков?

– Да, читал о них.

– Ну так вот. Повар закинул раков в ведро и оставил. Начал приносить все ингредиенты для готовки. Раки, смекнув, что сидеть на месте – верная смерть, начинают пытаться выбраться из ведра. Но стенки его высоки, поэтому единственный способ выйти – взобраться по своим товарищам. Рак ползёт, взбирается по другим, наконец подбираясь к свободе. Но сзади его хватают клешней за хвост. Такие же желающие выбраться. И, не сумев удержать вес себе подобного, рак сползает вниз, чуть ли не до самого дна. Так по кругу. Кто-то взбирается, затем его сбрасывают, поднимаясь сами. Может быть, повар уже давно бы сварил бедолаг, но он тоже заметил поведение раков и стал смотреть, не отрываясь. И раки будут делать это вечно. Лишь некоторые выберутся, оставив остальных на дне ведра. Так же и человечество.

– Но ведь люди – не раки. И мы не в ведре. Можно же объединиться ради общего блага, забыть все обиды и работать вместе!

– Люди не могут по-другому. И человек, зная о всех проблемах человечества, не хотел притрагиваться к каким-либо изменениям. Он хотел лишь подстроиться под систему, так же занять своё место в гонке за благополучие. Только гонка – это, как я уже сказал, просто ведро с раками. Люди алчны, готовы пойти на многое. У них существует такое понятие, как религия. То есть, у многих рас есть религия, но на земле она особенная. Знаешь, что такое религия? Вера в бога, поклонение ему и соблюдение священных правил. Поначалу религия помогала людям сплотиться, веря в единую цель. Что способствовало развитию. Но потом, когда казалось, что всё прекрасно, что-то изменилось. Религия напротив незаметно стала выступать против прогресса, мешать его движению. Всё из-за людей, смекнувших, что большинство населения Земли верит во многое сверхъестественное, и более того, хочет верить. Такие люди использовали религию, чтобы управлять толпой, зарабатывать на их вере, бросаясь громкими красивыми словами. И что самое ужасное – этих людей совсем не заботит движение прогресса. Им хорошо и так. Ведь они уже купаются в роскоши.

Официант подал нам идеальный кусок мяса и графин яблочного сока с двумя стаканами. Я сразу набросился на мясо. Оно имело незабываемый вкус. Было таким мягким, сочным, с острижкой. Я съел мясо в считанные секунды. Затем Шак'Шид налил нам обоим сок.

– Хм-м-м... – протянул я, языком вытаскивая застрявшие в зубах частички мяса.

– Что ты думаешь?

– Если есть лишь небольшое число людей, желающее улучшить жизнь человечества, может, стоит примкнуть к этому числу? Ты сказал, что люди хотят верить во что-то высшее. Более того, идут на поводу у тех, кто проповедует религию. Так, может быть, стать одними из таких проповедников? Только наши замыслы будут куда перспективней, и целью будет не наше благополучие, а всеобщий прогресс. Я думаю, многие люди поддержат нас.

– Отличная идея! Но, вдвоём мы не справимся. У нас нет ничего: ни влияния, ни денег, ни полноценных знаний о мире. Нам нужны люди, готовые пойти за нами, при этом имеющие хотя бы что-нибудь из вышечисленного. Мы объединимся в группу.

– Да!

– А называться она будет... «Татар Гетто»!

– Почему это?

– Оставлю этот вопрос для твоих раздумий, у тебя будет много времени.

– Ладно, будь, по-твоему. Тогда, за прогресс! – я поднял стакан с соком.

– За Землю!

– За Татар Гетто!

Мы чокнулись стаканами и выпили сок залпом. Немного позже мы слышали громкие разговоры за соседним столом.

– Ха-ха, говоришь, старый хрен? Один?

– Да, так босс и сказал, сейчас старик там один. Плёвое дело, заходим, выносим всё. Если чего скажет, дубинкой по затылку!

– И много, говоришь, у него там денег?

– Да, его сынок недавно наследство какое-то получил. Прямо золотая жила.

– Тогда отправляемся?

– Да, немедленно!

Четверо парней вышли из-за стола. К ним подбежал официант.

– Пойдите, ваш счёт!

– Ах да! – один парень подошёл и взял официанта за воротник. – Слушай, деньги я забыл дома, мои друзья тоже. И чё-то мне лень возвращаться. Давай, оплатишь за нас? У нас тут четыре пива, всего шестьсот рублей. Учти, полицию вызовешь – я тебя найду. Лицо твоё такое запоминающееся. Ладно, ты меня понял... так ведь?

– Д-да... – дрожа промямлил он.

– Вот и хорошо. Пошли, ребята!

– Думаю, стоит начать со знаний о мире, – повернулся я к Шак'Хиду.

– Согласен!

Мы встали из-за стола. Шак'Хид подошёл к официанту, дал ему полторы тысячи рублей.

– Тут за нас, за них, и ещё чаевые. Выше нос! – сказал он ему.

– Откуда у тебя столько? – удивлённо спросил я.

– Сам создал, по подобию тех, что были. – ответил Шак'Хид, – Сейчас это не важно, надо не потерять их из виду!

Глава 3, О Любви

Записка на рулоне туалетной бумаги

Это был холодный зимний вечер. Я встретил её при полной луне. В её свете она казалась ангелом. Мы гуляли по набережной. Держась за руки, разговаривали о разных вещах. Свет от луны падал на спокойную водную гладь и редко поблёскивал при малейшем дуновении ветра. Я без конца делал ей комплименты. Моё сердце ликовало так же, как, надеюсь, и её сердце в тот момент. Так, мало-помалу, мы дошли до моего дома, поднялись наверх в мою комнату, закрыли дверь. Вот и всё. Ничего больше не существовало в этом мире, кроме тёмной комнаты, мёртвой тишины и нас вдвоём. Мы несколько минут просто смотрели друг другу в глаза, затаив дыхание. А после слились в бесконечных объятьях. Это была незабываемая ночь...

Я проспал до 10 часов утра, всё равно проснулся совершенно уставшим. Рядом её не было. Я насторожился. Осмотрев дом, я нигде её не застал.

– Куда же она могла подеваться? – спросил я у самого себя.

Лишь вернувшись в спальню, я нашел ответ на мой вопрос. На тумбочке лежала записка. Я с трепетом взял её и начал читать.

Записка

«Дорогой,

Ты, наверное, задаёшься вопросом: «Куда я пропала?» Что же, не буду таить. Ты просто наивный лох. Надурить тебя было проще простого. Я взяла немного денег, точнее все. И не пытайся меня искать. Я уже далеко.

Чао Какао, чмошник!

P.s. Мне очень понравилась твоя собачка Тёща. Так что её ты тоже больше не увидишь!»

После прочтения у меня затряслись руки. Это был удар в спину. Как она могла? Ведь нас столько всего объединяло...

От такого предательства я уже не мог адекватно переваривать ситуацию. Поэтому в тот же час пошёл в ближайший бар и напился. И я пил снова и снова. Начал приходить в бар ежедневно. И пить всё больше и больше...

Из-за алкоголя меня уволили. Денег не было, поэтому я шлялся по подворотням. Пытался найти какой-нибудь источник зарплаты. Обычно именно в таких местах есть люди, готовые заплатить за всякую тяжёлую или грязную работу. Так я думал.

И не ошибся. В один день в подворотне меня остановил человек.

– Постой. Вижу, ты тут часто ходишь. – сказал он.

– Ну да, по оживлённой улице пройду – засмеют. Посмотри на меня! – раздосадовано ответил я.

– Да уж. Видок у тебя не лучший... Слушай, работа тебе не нужна?

– Нужна, как же еще.

– Я могу предложить работать на меня. Правда, не слишком законно.

– Это меня уже не волнует, мне нужна хоть какая работа.

– Хорошо, тогда познакомимся. Меня зови Эль Гангстре.

– Очень приятно, Михаил. Ну, а что мне нужно делать?

– Ничего такого, просто избавиться от некоторых людей.

– В каком это смысле?

– В смысле... Какой ещё может быть смысл?.. Вряд ли ты можешь сделать что-то, кроме... – он запнулся, так и не решив продолжить. Лишь показательно провёл пальцем по горлу.

– Ты в этом смысле? – в голосе пробежала дрожь. – Но... Зачем? Нет других способов? Это же люди!

– С виду да. Но внутри у них не осталось ничего хорошего. Они уже мало похожи на людей.

Я задумался, совсем ненадолго. Наконец, плюнув в сторону, я ответил:

– Ладно... Поверю тебе на слово... Но сколько ты даёшь за одно убийство?

– Столько же, сколько в среднем дают, 100 долларов.

– Сто? Ты издеваешься? Думаешь, я дурак какой? Предлагаешь мартать руки людской кровью, потом скрываться от полиции, и всё это ради ста долларов?

– Полицейские тобой не интересуются. Мои друзья позаботятся об этом. Ну а насчёт денег... ла-а-дно... Я вижу, ты крепкий, сможешь всё проверить. Дам 120 за человека. Учти, их будет не один, не два, а довольно много.

– Мало, соглашусь на 200.

– Да ты одурел! 130 и точка!

– Нет, ты, кажется, не понимаешь. 180, или я сваливаю!

– Это ты не понимаешь. Ты слишком много узнал, поэтому я тебя просто так не отпущу. 140 и точка!

– Я буду стараться хорошо. Мне лишь нужно ещё немного денег. 165 и больше не вякну!

– 150.

– Хорошо, 150, я согласен...

Прошло два года. За это время я убил 42 человека. Это были разнообразные люди, когда-либо перешедшие дорогу Эль Гангстре. Сначала я убивал неуверенно, думая о последствиях. Однако, их не было. Эль Гангстре держал обещание. Со временем я начал привыкать к убийствам. Чтобы выпускать пар, избавляться от сомнений и переживаний, я составил список всех убитых мной людей. Так я ставил в истории каждого точку. Вот несколько лиц:

1-й.

Невысокий седой мужчина, имя – Иван. Загнан в тёмный переулок, забит кирпичом. Пришлось удирать, так как неподалёку проезжала полиция.

4-ая.

Русая полная женщина лет тридцати. Утоплена в озере.

5-й.

Её муж, убит так же.

12-й.

Пожалуй, самое простое убийство. Эль Гангстре сделал всю работу за меня: достал мужчину из другого города, заманил его в гостиничный номер... Всё было быстро и спокойно. Всегда бы так...

23-й, 24-й и 25-ая.

Молодые подростки. Занимались любовью в клубе «У Эсс Шейкера». Крики никто не слышал.

37-ая.

Пожилая женщина лет шестидесяти. Странно, как же она насолила Эль Гангстре? Чтоб не отвечать на мои вопросы, он заплатил за неё вдвойне.

39-ая.

На это убийство меня пришлось долго уговаривать. Молодая девушка с младенцем. Я согласился убить и младенца, но в тайне от Эль Гангстре отдал его в детдом. За дело я получил восемьсот долларов. Но делать работу становится всё сложнее. Эль Гангстре помешан.

42-й.

Перед заданием у нас завязался долгий спор. Он узнал, что я сделал с ребёнком, стал снова угрожать мне своими друзьями. На этот раз я рискнул, сказал всё, что я думаю и хотел было уйти. Но он остановил меня. Сказав, что у меня больше нет права на ошибку, он указал мне на пожилого старика. Старик жил один, его навещала лишь внучка. Спокойно зайдя в дом, я застал его за обедом. Он был слеповат, поэтому принял меня за родственницу. Доев, он попросил добавки. Я подсыпал яд в еду и подал к столу. Он съел пол миски, прежде чем упасть замертво.

Почти всех я похоронил на купленном мной участке. Думаю, может, открыть новое кладбище?

Убийства не могут продолжаться так долго. Видимо, Эль Гангстре не сдаст меня. Это болото может с лёгкостью затянуть и его. Поэтому, если мне что-то не понравится, сразу ухожу.

Насчёт любви, я уже почти успокоился и смирился. В конце концов... жизнь вроде сгладилась. Повода для расстройства нет...

Как всегда, утром сидел на кухне, пил чай с ромашкой. Ел печеньё. Вдруг услышал звон в дверь. Странно, я никого не ждал. Открываю дверь, вижу: Эта лживая имара стоит, вся такая приодетая. Её сзади обнимает какой-то смазливый урод, как позже выяснится, её жених. Сама держит в руках годовалого ребёнка. Вся эта делегация бесцеремонно проходит внутрь. Мне под нос сунется какой-то документ, якобы о разводе.

– Здравствуй. Кажется, мы кое-что забыли поделить, – начала она, – помнишь, мы хотели пожениться за месяц до... того, как расстались...

– Допустим, и что это даёт? – Я держался, как мог.

– Тогда я ходила в ЗАГС, мне сделали документы. Значит, мы, по идее, тогда поженились. Так что при разводе я должна получить половину имущества.

– То есть, если я правильно понял, ты тайно нас поженила. Потом ограбила меня, оскорбив при этом. Затем так же тайно нас развела. И ещё, сука такая, хочешь получить половину моего имущества?

– Конкретно – этот дом. – улыбнулась она. – Мне ребёнка надо растить. Ты понять должен.

– Серьёзно? Я, чёрт возьми, должен понять? Я должен отдать человеку, уничтожившему мою жизнь, мой же дом, потому что ему нужно ребенка растить! Афиженно!

Тут в разговор врывается жених ишмары, всё это время стоявший в стороне.

– Так. Закрой свой рот! Не смей повышать голос на мою невесту. Если она что-то хочет, ты сделаешь это, нравится тебе или нет!

– Так, так... Кто заговорил... Мужик, ты вообще в курсе, на что эта сука способна?

– Не смей так про нее говорить!

Он полез с кулаками, ударил меня по лицу. Знал бы он, что я наёмный киллер у опасного гангстера (на самом деле я всё ещё не был до конца уверен, так ли он опасен. Никогда не видел у него никакой охраны, никакого влияния, хотя слышал изрядно), не полез бы сюда вообще.

Я был в ярости. Взял топор и убил их. Всех. И ишмару, и жениха, даже их ребёнка. Детям от таких уродов лучше не жить. В них с рождения заложен ген. Ген, с которым даже при воспитании ребёнка в другой, порядочной семье, он вырос бы наполовину моральным уродом.

Я вдруг поймал себя на мысли, что я сделал то же самое, что недавно сделать не захотел. Тот ребёнок растёт, а этот мёртв. Клеймо детоубийцы всё равно на мне. Отличие лишь в том, что там я не был уверен, насколько плоха мать. Я её вообще не знал. Может, она просто жертва гангстера, а на самом деле была добрым человеком, и ребёнок её вырастет таким же. Кто знает...

Но одно я точно знал – с этой предательницей ей не сравниться. Я был зол, но их смерть успокоила меня. Мне ничего не оставалось делать, как закопать их тела прямо на своём дворе. Выносить тела из своего дома – рискованно.

Через день мне пришел очередной заказ – убить девушку. В тот день она пошла в бар. Я, словно тень, следовал за ней. Будучи настоящим тихим убийцей, я мог убить кого-то в толпе народу так, что никто не заметит. И вот, заветный момент, я подошёл к ней, начал доставать нож. Но первым делом я осмотрел её... И вдруг понял, что она мне понравилась. А у меня так (не знаю, болезнь ли это, или ещё что): если мне девушка понравилась с первого взгляда, я уже не могу просто так отпустить её. Поэтому я не смог её убить. Наоборот, заказал ей коктейль. Она с улыбкой приняла мой комплимент, назвала свое имя – Лена. Но выглядела подавлено...

– Слушай, ты выглядишь... не очень... В смысле, расстроенной...

– Я не хочу об этом говорить.

– Прошу, выскажи всё наболевшее. Не беспокойся. Я умею слушать.

– Ну хорошо... Дело в том, что я живу в большой семье. Верней, жила... В последние месяцы все стало загадочно пропадать: мой отец, сестра, двоюродные братья. А неделю назад мой дедушка умер прямо за столом от моей же каши.

– Ничего себе...

– Именно... Я попробовала ту кашу. На вкус была отвратительна. Настолько, что проглотить было не возможно. А дедушка с притупившимися чувствами ел эту кашу, не подозревая отраву. – её голос становился всё более раздражённым. – В его смерти виновата лишь я, ведь это моя каша.

Я смотрел на неё, скрывая дрожащие руки. Мне приоткрылась завеса тайны. Я убивал... не чужих ей людей... а Лена даже не подозревает... Нет, хватит! Я увидел, что моими руками делает Эль Гангстре. Мне нужно будет навестить его в последний раз. Но сейчас мне надо было заняться Леной, утешить её.

– Это просто не может быть твоей виной. Уверен, ты хорошо готовишь. А дедушка, должно быть, был очень стар.

Лена вздохнула. Чтобы отвлечь её от дурных мыслей, я завязал увлекательную беседу. Её итогом послужило моё предложение встретиться еще раз. Лена, совсем не сомневаясь, согласилась.

Я должен был завязать с убийствами, поэтому пошёл к Эль Гангстре попроситься. Заодно высказать ему всё, спросить обо всём. Было мне интересно, какого хрена он хотел её смерти. Я пришел на наше обычное место, подождал несколько минут. Он наконец пришел. Я хотел уже начать, но он перебил меня.

– Признаюсь, тебе удалось меня удивить. Предложить встречаться девушке, которую должен убить. Надеюсь, ты не будешь заигрывать с этим и закончишь начатое?

– Нет!

– Нет?

– Нет. Я предложил ей встречаться, потому что, похоже, влюбился...

– Влюбился? Так значит, это влюблённость?

– Да, это... любовь.

– Надеюсь, ты не думаешь, что она также к тебе относится? Что она также тебя... любит?

– Это не твоё дело. Но, если тебе так интересно, думаю, что я тоже ей понравился. К тому же я утешил её в трудную минуту...

– Ошибаешься, это моё дело. Думаешь, я психопат? Думаешь, я просто слишком амбициозный гангстер, который убивает всех подряд? Так в жизни ты еще не ошибался. Хотя нет, ошибался. Ты влюбился в эту суку!

– Я не думаю. Я знаю! Ты псих! Моими руками ты убил некоторых её родных! И ты не смеешь про нее так говорить!

– Смею и говорю. Да, ты убил её родню, даже больше тебе скажу. Не только. Дело в том, что все эти 42 нелюдя, что ты убил – связаны. Думаешь, просто так мне нужен киллер? И, думаешь, я не сдал бы тебя в полицию? Ошибаешься. Не будь это столь важно для меня, ты бы уже давно сидел! Все эти 42 «человека» – родственники, друзья, друзья родственников и прочие как-то связанные с твоей девушкой.

– Что?! Я убил у неё... всех?

– Ну, вообще-то не всех. Только тех, кто был мне нужен.

– Черт, это не может быть правдой! Ты тварь!

Я вытащил нож, побежал к нему. Он увернулся от удара, вытащил пистолет с выцарапанной на нём надписью «Брат», и, выстрелив поверх моей головы, наставил его на меня.

– Кто тварь, я тебе щас объясню! Это семейство использовало моего брата. Одна девушка из их семьи совратила его, заставила тратить на нее огромное количество денег. Он помешался на этом. Фактически стал её рабом. Вскоре у нашей семьи осталось очень мало денег. Мы не смогли собрать дедушке на операцию, он умер от остановки сердца. А когда спросили моего брата о деньгах, он сказал, что делает это ради любви, ничего поделатать не может. Он будто был зомбирован, ничего уже не понимал. Через некоторое время эта сука пришла к нему с каким-то накачанным ублюдком, сказала: «Мы расстаёмся», а затем начала назло лизаться с её бойфрендом прямо у на глазах у брата. Он не выдержал. В ту же ночь покончил с собой. А после, когда я пришел к ним разобраться, они вызвали полицию и наговорили им на меня... Мол я маньяк и убийца, убил собственного брата из-за денег, а сейчас покушался на их жизни. Отчётливо помню тот день, когда меня представили перед судом. Я помню тот светлый зал, полный лживых уродов. Я помню каждое лицо. Каждого, кто дал против меня показания. Их было около полусотни. Полсотни «свидетелей», взявшихся из воздуха. И все против меня. В итоге меня посадили на пятнадцать лет. Недавно из-за происшествия в тюрьме многие заключённые сбежали. Я, в том числе. И теперь я жажду мести, жажду смерти каждого из того зала. И моя месть почти совершилась. В живых осталась лишь твоя «любимая». Поверь, она не лучше любого из них. Она также давала показания. Она должна умереть. И если не ты, то я сам её убью!

– Не смей!

Я поднырнул, уйдя из-под прицела, выбил у Эль Гангстре пистолет, сильно ударил его в живот. После я повалил на землю, начал бить ногами. Затем поднял и начал душить. Его глаза начали слезиться. Я хотел его убить, но не смог. Поэтому бросил в грязь, наклонился к нему со словами:

– Только попробуй тронуть её, я тебя разорву! Она не такая, как её родственники, я это вижу! Считаю, что ты отомстил. А я отработал своё и ухожу!

Я начал удаляться от Эль Гангстре в направлении дома. И только слышал хриплый голос вдогонку:

– Вот увидишь, она такая!

Чтобы искупить свои грехи, я решил открыть своё кладбище. Делать гробы под заказ, хоронить людей... Словом, зажить простой жизнью... В конце концов, я накопил около семи тысяч долларов с убийств. Этого должно было хватить надолго.

На душе стало легче. Но дело всё-таки не настолько прибыльное, насколько прибыльны убийства...

Мы встречались, веселились. Лена совсем позабыла о своём горе. Всё наладилось. Правда, деньги стали уходить довольно быстро. Но я не жаловался. Эти деньги за убийство её близких. Лена имеет полное право их тратить. Да и, в конце концов, ведь Лена моя девушка. Она заслуживает внимания – так я тешил себя каждый день.

Но спустя пару месяцев делать это стало немного сложнее. Жизнь пошла под откос, еле-еле начал оплачивать дом. Лена же стала видеться со своими друзьями. Я не был против: ей нужны были друзья. Но оплачивать их прогулки мне тоже приходилось из своего кармана. Мои деньги испарялись с бешеной скоростью.

Она вдруг стала периодически отказываться от моих приглашений погулять, аргументируя тем, что занята. Всё это было странно. И жутко неприятно. Но вишенкой на торте был случай.

Однажды Лена снова не смогла прийти на свидание. Я ждал и готовился к нему очень долго. Расстроенный, я пошёл в парк покормить голубей. Спокойно сидел на скамейке, как вдруг увидел её, гуляющую с каким-то парнем. Я решил проследить и подслушать.

Из их разговора я много узнал о себе: что я наивная марионетка, готовая ради девушки на всё, обнищавший...

Будучи скрытным убийцей, я всё-таки слишком плохо спрятался. Они застали меня, как идиота. Лена просто сказала:

– Мы расстаёмся!

Просто «Расстаёмся», большие ничего. А ведь она могла догадываться... хоть немного догадываться, чем это кончится. Могла догадываться, что её голова будет повешена у меня в подвале, а тело – на чердаке. Могла догадываться, что её парня я разрежу на аппетитные кусочки и вдоволь накормлю соседских собак...

Эль Гангстре был прав, она ничем не отличалась от своей родни. Что же, это был её выбор... Получается, я выполнил задание Эль Гангстре в полной мере, но уже не мог прийти к нему за наградой: он меня и близко не подпустит...

Я рвал себе волосы. Меня ломало от любой возникающей в голове мысли. В итоге я не нашёл лучшего выхода, чем смерть. В два часа ночи во дворе своего дома я сильно ударил себя камнем в голову. Моё тело упало прямо на могиле моей первой любви. Я думал, у меня получится спокойно умереть и прекратить страдания...

Как бы не так...

После этого меня нашли два парня – мои соседи по дому. Когда моя жизнь пошла под откос, мне стало не хватать денег на дом. Поэтому я где-то нашёл двух парней, чтобы они жили со мной и помогли платить. Так уж мне не повезло, что они оказались геями, так ещё и некрофилами...

Парни подняли меня. Я услышал их перешептывания. Но скоро от боли потерял сознание. Не знаю, сколько я был в отключке...

Очнулся я на улице, в какой-то подворотне. На мне не было штанов. Пальцы воняли фекалиями. Я не обратил внимания, лишь потом до меня дошло, что они со мной делали. Голова раскалывалась. Я потерял около двух литров крови. Не знаю, как я вообще ещё жив...

Я пошёл по улице полуголым. Редкие прохожие оглядывались и переговаривались. Я старался прикрываться, но получалось с трудом. Ведь в тот момент в первую очередь нужно было прикрывать гигантскую рану на голове. Она всё ещё немного кровоточила.

Было холодно. В итоге я окончательно выбился из сил, поэтому нашёл какого-то бомжа, прилёг с ним, чтобы согреться.

А помню, как все начиналось. У меня была любимая девушка, она была прекрасна! Но теперь я на улице, сплю и обнимаюсь с бомжом. Но моя жизнь только начиналась...

Игорь Строганов

Этот полностью исписанный рулон я нашёл на улице. Я ещё раз внимательно перечитал весь текст. Печальная судьба этого парня тронула меня. Мне стало его жаль. Также мне стало

жаль, что история обрывается, и я, возможно, никогда не узнаю конца. Что же с ним могло случиться? Может, он уже умер от потери крови. Может, вылечил душевные раны и встал на ноги?

Через несколько минут я уже отбросил раздумья, в конце концов, это могли написать два школьника на уроке, потом выкинуть на улицу. А я стою и читаю это, как идиот. Поэтому я выкинул туалетную бумагу и побрел домой.

Втроем с моими другом Васёком Васильевым и подругой Лерой мы снимаем двухкомнатную квартиру. Васёк – придурок, проживающий каждый день одинаково: пропускает две пары, почти весь день сидит в комнате, играет в игры и курит. Из-за этого дебила мне приходится вечно сидеть на кухне, не буду ж я смотреть на всё это. А на кухне постоянно крутится Лера. Мы познакомились и подружились еще в школе, пошли в один универ. И теперь вместе живем.

Во мне она не видит никого, кроме друга. Я же в нее тайно влюблён. Мне так нравится её милое розоватое личико... Некоторые говорят, что у неё слишком сильно выпирает лоб. Но я-то вижу, что это не так. Если он и выпирает, то незаметно. Да и вообще... Это явно придаёт ей больше умственных способностей.

Любил её на протяжении уже пяти лет, со средней школы. И никак не мог ни признаться, ни добиться хоть какого-то результата. В любом случае, я никогда не был зол на друга, ведь пока он пухнет от своего идиотизма, я вынужден сидеть с ней в одной комнате. Мы разговаривали о всяком: об учёбе, о подругах, о каких-то весёлых моментах в жизни. Мне было всё равно, на какую тему говорить. Главное – я общаюсь с моей любимой.

Но вот, подходит время, когда у нас начинают кончатся деньги. Те, что были подарены родителями на 18-летие, кончились, а стипендии не хватает. Васёк в любом случае скоро работу не найдет по вышеперечисленным причинам. А Лера и так готовит нам еду и убирается в доме. Поэтому я решил взять ответственность обеспечивать нас на свои плечи и устроиться на работу.

К сожалению, везде нужно высшее образование и опыт работы, поэтому меня взяли только в KTGF. Думал, в KTGF обычно бывает прилично убрано, красиво оформлено. Всё-таки бренд. Однако, этот ресторан находился в старом грязном доме. Стены были сырые, обои отклеивались во многих местах, пол был простой бетонный, без единого ковра или досточки. Ну а что я хотел? Жили мы далеко не в центре. Однако посетителей всё равно было достаточно.

Мой босс, жирный хмырь, ходит по кухне и лапает поварих за задницы, не забывая стащить у них только что сделанный бургер и сожрать его. А после такого «перекуса» обязательно оботрёт свои измазанные в соусе пальцы о форму одного из работников. Иногда он приходит со старыми друзьями, приводит двух шлюх и запирается с ними в своем кабинете на несколько часов. Потом выходит пьяный, орёт на всех, лезет в драку. И обязательно кого-то уволит. Везде бегают тараканы, а уборщица весь день куда-то пропадает. Говорят, она уходит уединяться со сторожем. Ну, хоть у кого-то в этом месте нормально сложились отношения...

Меня же поставили принимать заказы. Мои глаза в первый же день округлились от того, сколько же мразей и грубиянов у нас в городе. Ну что поделать... Надеюсь, когда-нибудь я привыкну к всему этому. Главное, чтобы платили.

После тяжелого и безумного дня я приходил домой. Васёк засыпал прямо на диване, весь в крошках и семечках, даже не выключив телевизор. Выключая телевизор за этого идиота, я ложился спать. Перед сном я вновь вспоминал ту историю, найденную мной на улице.

– А что, если моя судьба будет не лучше, а даже хуже? – думал я. – Что, если скоро моя жизнь изменится настолько, что я даже в квартире жить не буду? Нет, нельзя думать о плохом.

Я сразу забрасывал эти мысли в глубину мозга и засыпал.

Проснувшись, я сразу бросал взгляд на друга. Он обычно лежал в той же позе. Я вставал и сонно шёл на кухню. Лера просыпалась намного раньше и к этому времени уже жарила яичницу и варила кофе, параллельно заплетая свои длинные волосы тёмно-каштанового цвета. Я желал доброго утра, и мы начинали разговаривать. Я рассказывал о своем очередном рабочем дне. Она мило смеялась и выражала своё сочувствие насчёт некоторых неудач. После завтрака я одевался и шёл на занятия.

Три месяца спустя...

Рутинa, сплошная рутинa... И ничего не меняется... Мой друг всё еще идиот. Я все еще работаю. На работе все еще задница. Ну, хотя бы на жизнь нам хватает. Мои «отношения» с подругой не продвинулись ни на шаг. Хотя я немало раз звал её в кино, погулять, даже водил её в дорогой ресторан. Ну, относительно дорогой. Для моей зарплаты это было невероятно дорого. Тот вечер следует описать поподробней.

Узнав об отмене пар, я зашел в магазин и аптеку. Купил пачку заварной лапши и несколько презервативов. Придя домой, я зашёл к себе в комнату. Встретив Ваську в его обычном состоянии, бросил ему пачку лапши и презерватив. Сказал, чтоб поел, а потом делал всё, что хочет. Себе же я оставил пару презервативов, на всякий случай. После я прошёл на кухню. Лера доставала сковородку, чтобы готовить еду. Я подошёл к ней, приобнял за плечи.

– Слушай, может сегодня отдохнёшь?

– Я же не устала. Пары отменили. Садись, сейчас есть будем.

– И всё же, может я тебя угощу?

– Ты умеешь готовить?

– Ну, сам не очень, однако, знаю, где очень хорошо готовят. Не в сравнении с тобой, конечно.

– А-ха-ха, ну хорошо, и где же?

– Скоро все увидишь, оденься поприличней.

Она кивнула и пошла в комнату. Сам я тоже переоделся в более солидный костюм. Через несколько минут она вышла из комнаты в прекрасном вечернем платье. Я взял немало денег. Даже одолжил перед этим у родителей. Ресторан был очень дорогой. Однако, я был к этому готов.

Мы вышли из дома, начали прогуливаться. Внутри меня всё ликовало. Я гулял под ручку с моей любимой. Мы мило общались и смеялись. На миг даже показалось, что я ей тоже небезразличен, что я добился своего.

– Знаешь, о чём я думаю? – начал я.

– О чём же?

– О том, как прекрасна природа. Деревья столь разнообразны и столь величественны, что аж дух завораживает...

– Ну, да, согласна...

– И, самое главное: как мы, люди, сумели связать природу с современной жизнью. Раньше люди могли отчётливо видеть красоту деревьев только днём. А сейчас, прогуливаясь вечером, после заката, мы видим совсем другие краски, хотя это то же самое дерево. Удивительно, да?

– Да, конечно...

– И теперь, гуляя под освещёнными светом фонарей деревьями, мы можем находить в себе немного новые чувства, – подвёл итог я, под конец осознав, что этот диалог, или уже монолог, чересчур неловок и глуп. Я ожидал её реакцию, надеясь, что она не будет слишком утомлена моими высказываниями.

– Хм... Есть над чем поразмыслить. – она пыталась показать заинтересованность.

Чёрт, испортил такой отличный момент, лучше бы молчал и наслаждался.

– Ну хватит об этом. Мы же не на уроке философии, – закрыл эту неловкую сцену я. Она явно мысленно выдохнула с облегчением.

Мы дошли до ресторана, зашли внутрь. Здесь было не слишкомлюдно. Разве что небольшая компания отмечала какой-то праздник. Они, к счастью, не были столь шумными, поэтому не мешали.

Я подвинул Лере стул. Она элегантно присела. Официант принёс нам меню. Блюда оказались и вправду дорогими. Мне пришлось бы работать целый месяц для одного такого ужина. Хорошо, что одолжил денег у родителей.

Я заказал вино подороже, так же взял лёгкий салат. Лера взяла белую рыбу.

Начал разговор издалека: заговорил о заведении, о разных украшениях на стенах и потолке. Она с радостью поддержала тему, рассказала, что её лучшая подруга увлекается такими украшениями. Я умело вставлял в диалог комплименты, она мило улыбалась на каждый такой комплимент, однако, в глазах ощущалось неудобство.

– Что-то не так? Еда невкусная? – рискнул выяснить я.

– Да нет, всё чудесно.

– Что же тогда случилось?

– Ничего не случилось, с чего ты взял?

– Просто, у тебя на лице смущение читается.

– Правда? Странно, я ничего такого не чувствую, тебе, наверно, показалось...

– Ну ладно, извини...

Тут у нее зазвонил телефон, она взяла и сразу расширила глаза.

– Блин, я же обещала подруге отнести ей конспект! У нас завтра зачёт.

– Жаль. Никто больше не может ей передать?

– Нет, никто. Прости, мне нужно бежать.

– Но, как же...

– Прости. Я обещала. В следующий раз...

– Тогда я тебя провожу, тебе же домой за конспектом.

– Не стоит. До туда ехать долго, дома буду поздно. Так что готовить уже не стану. Поешь здесь, можешь доесть рыбу.

Она вскочила, помахала мне рукой и выбежала на улицу. Я побежал за ней, но меня остановил охранник.

– Пустите меня, я тороплюсь! – пробивался я.

– Куда? А счёт кто оплатит?

– Прошу прощения, можно посчитать?

Мне принесли счёт. Я нервно вырвал листок из рук официанта, глянул на цену, быстро выложил деньги, даже лишнего, выбежал на улицу, побежал домой. Добрался до туда за десять минут. Её уже не было...

И так каждый раз. Лере как будто было насрать на меня. Но настал день, который я так долго ждал. Этот день – особый день. Этот день – день её рождения. И я спланировал такой крутой сюрприз, что Лере нужно было бы постараться, чтобы не умереть от счастья прямо на месте. Она очень удачно ушла с подругами отмечать, так что у меня было время для подготовки сюрприза.

Я обещал достать Ваську первый выпуск нового элитного эротического журнала. Он наконец-то согласился мне помочь, к тому же позвал еще двух друзей-задротов, с которыми он целыми днями играет.

Мы обклеили её комнату разнообразными сердечками, цветами, котиками и прочей милой атрибутикой. Я потратил все накопленные деньги на плюшевых мишек, свечи, ожерелье и серьги. Купил дорогое вино, даже написал стихи. После этого я отправил друга и его компанию куда подальше, чтоб не мешали. Сам надел лучший костюм. Я планировал признаться ей в любви в такой романтической обстановке, наедине... чтоб она расплакалась от счастья, положила свою голову мне на плечо и наконец согласилась стать моей девушкой...

Настало время, в которое она обещала вернуться. Я с нетерпением ждал, когда же раздастся звук открывающейся двери и её шаги. Ждать пришлось долго. Я ходил по комнате, ежеминутно глядя на часы. Леры не было уже час. Я начал звонить ей, но её телефон был отключен. Я начал волноваться всё сильнее. Её не было уже третий час...

Я накинул куртку и хотел уже выбежать искать её. Но только подошел к двери, она резко открылась, и меня со всей силы ударило по голове. У меня пошла кровь. Потемнело в глазах. Я упал на пол. Зашла Лера. Она помогла мне подняться, повела в свою комнату, где лежала аптечка.

Войдя в комнату, она увидела всё, что я готовил. Я уже успел прийти в себя, выбежал на центр комнаты, встал на колени, начал неловко читать стихи:

– Пять лет прошло, ну прям как миг,
Давно убрали в шкаф дневник.
Давно мы выросли, и в универ пошли,
А многие и смысл жизни уж нашли.

Года идут, друзья приходят и уходят,
Всем нужно жить, успеха добиваться.
Однако, чувства просто так не бросишь,
Они мне не дают вот так вот попрощаться.

Быть может, хватит мне скрываться?
Пора собрать все силы, и признаться...

Из головы шла ручьем кровь. Она залила весь костюм. Я докончил свои стихи и сказал последние слова:

– Я люблю тебя! Будь со мной!

Наступило полминуты молчания. Для меня эти секунды длились вечность. Наконец она ответила:

- Слушай... Ты хороший парень, хороший друг. Спасибо тебе за такой сюрприз, но...
- Но...?
- Но, понимаешь, я... предпочитаю девушек...

Она рассказала, как опоздала из-за того, что они с подругами устроили лесбийский тройничок. Потом она начала вспоминать все те моменты, когда она сбегала со свиданий, убегала к подругам. Меня, и так шокированного известием, чуть не хватил удар. Она будто специально описывала всё в деталях.

- Прости, но не нужно больше слов, мне и так больно, не нужно сыпать соль на рану!
- Но я не...
- Ничего не говори!
- Я не хотела...

Не дослушав, я выбежал из дома, взяв бутылку вина. Сев на уличной лавке, я выпил полную бутылку залпом. И минуту спустя упал без сознания под лавку.

Проснулся я в больнице. Мне зашили рану на лице. Ко мне подошел врач, сказал, что нашли меня без единой личной вещи. Блин! У меня украли документы и ключи! Зачем я только держал их в своём пиджаке?

Через денёк меня отпустили из больницы. Кроме дома некуда было идти. Я уж был готов смириться со всем этим. Жить, как раньше, только найти другую девушку. Лера, надеюсь, поможет мне в этом. Как-никак, за ней должок...

Я подошел к двери нашей квартиры. Она была открыта, изнутри ни звука.

- Какого?.. – сказал я себе под нос.

Зашёл я будто не к себе вовсе. Квартира была разграблена и разрушена. Видимо уроды, что украли мои вещи, еще нашли и обнесли квартиру. Васька в доме нет. Видимо, он даже не возвращался. Урод.

- Чёрт... Куда уж хуже?! – думал я.

Что же, хуже быть может, еще как...

Как только зашел в комнату Леры, увидел кровавую баню. Бедная Лерочка лежит без одежды, с перерезанным горлом. Всю комнату залило кровью. Скорее всего уроды зашли, изнасиловали её, а потом мучительно убили...

Я уже не знал, что делать. У меня нет ничего: ни дома, ни друзей, ни денег, даже документов. Я просто пошел по улице, куда глаза глядят. В итоге набрел на тот самый KTGF, в котором я работал. Решив, что хоть там мне, как лучшему работнику месяца, окажут помощь...

Я ошибался. Босс выкинул меня без вопросов из-за того, что я не приходил на работу эти два дня. Мне ничего не оставалось делать, как жить у KTGF. Хоть от голода не сдохну.

Я забыл обо всём: о родителях, об универе, осталась лишь картонка, расстеленная у KTGF...

Дерьмо! Всё потеряно, моя судьба вышла не лучше судьбы того чувака. У меня была любимая девушка, она была прекрасна! Но теперь я сплю и обнимаюсь с какой-то дворовой собакой. Но моя жизнь только начиналась...

Ещё 5 месяцев спустя...

Я стал бомжом. Истощал до предела. Меня всё чаще стали посещать мысли о легком пути. Но для начала я, как мой кумир, решил записать свою историю. Чтобы потом кто-то, такой же, как я, прочел её и, может, сделал выводы... а может, мне просто было нечего делать, поэтому я старался занять себя хоть чем... Написав часть своей истории, решил вздремнуть.

Мимо стал проходить новый сторож КТGF. Старого уволили вместе с уборщицей за то, что один раз они решили заняться сексом прямо на одном из столиков, только не заметили, как начали приходить гости с детьми.

Новый сторож был какой-то потрепанный, с огромным шрамом на голове. Он прошёл мимо меня, увидел лист бумаги с моей историей. Решил поднять и прочесть. Глаза его полезли на лоб. К тому времени я уже не спал.

– Ну привет. Что, жизнь потрепала? – присел он рядом.

– Да уж... В жизни полная жопа. Сам видишь: сажу, ничего не могу сделать. Я лишился всего.

– Как же мне это знакомо!

– Как это может быть тебе знакомо?!

– Да, вот... видишь ли... Я и есть тот самый парень, которого изнасиловали геи... Ну... Из твоей истории, – он ткнул в написанный мной текст.

Таким заявлением я был потрясён, причём изрядно. И правда, он полностью подходит под описание того человека. Как же тесен мир...

Но, по крайней мере, теперь я смогу узнать конец истории моего кумира. Я резко дёрнулся к нему, начал спрашивать его историю. Он без отговорок рассказал всё.

Рассказ кумира

На третий день моей жизни с бомжом он наконец проснулся. Только встал, сразу посмотрел на меня и попятился назад. Ну конечно... Спишь на улице, просыпаешься, а рядом лежит какой-то мужик без штанов, весь в крови...

Он начал орать матом. Спросил, что я за гей. Я ему:

– Спокойно, я не из этих. Хоть меня недавно и поймали двое... – не знаю, какого чёрта у меня это вырвалось.

– Фу, свали отсюда! – заорал он, снова приправив свои слова матом.

Затем он взял разбитую бутылку и полез на меня. Мне не составило труда увернуться от удара и выхватить у него бутылку. А этот идиот, как дегенерат, прыгнул прям на меня... Прям на эту бутылку...

Она вошла ему в грудь наполовину, мужик упал на асфальт, весь в крови.

– Ну... Ещё один труп... – сказал я себе. – Полная жопа.

Надев штаны бомжа, я спрятал его тело в мусорном баке. И мне в голову пришла мысль: отомстить соседям за то, что они со мной сделали.

Я пришёл к дому к полуночи. Свет у них еще горел. Я решил подождать. Через час свет не погас.

– Хрен с ним, – думаю я, – что они мне сделают?

Вошёл в дом, сразу услышал мужские стоны в верхней комнате. Взял тот самый топор, которым убивал семейную пару с предательницей во главе.

Поднялся наверх в комнату соседей и увидел: они трахаются прямо на столе. Я захожу в комнату с криком:

– Ну чего, суки?!

Они не успели ничего сделать, как я расколошматил их лица топором. После этого я закопал их тела во дворе. Чёрт, только подумал... Там уже 5 могил. Кладбище целое. А ведь у меня было ещё одно кладбище, только официальное.

Ну ладно, жизнь понемногу наладится. Я выбросил все «игрушки» геев, убрал дом. Сам переоделся, умылся. Нужно было быстро заработать денег, чтобы оплатить по полной дом и обеспечить себе нормальное проживание. Продажа гробов была не такая прибыльная. Мне нужна была дополнительная работа. Но никуда, кроме КТGF, меня не взяли. Однако, этого было достаточно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.